

А.В. Чудинов.
«РУССКИЙ ЯКОБИНЕЦ» ПАВЕЛ СТРОГАНОВ.
ЛЕГЕНДА И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

История про то, как граф Павел Александрович Строганов во время Французской революции конца XVIII в. под именем гражданина Очера вступил в Якобинский клуб, - популярный сюжет отечественной литературы. Об этом и о других эпизодах жизни юного русского аристократа в революционной Франции, где он оказался вместе со своим гувернером Жильбером Роммом, ставшим впоследствии видным монтаньяром, писали А.И. Герцен, Ю.Н. Тынянов и М.А. Алданов [1]. Часто к судьбе Строганова обращались и историки, посвятившие ему ряд статей и глав монографий [2]. Однако до сих пор еще никому из ученых не удавалось использовать все источники по теме исследования, рассеянные по архивам Франции, Италии и России [3].

Наиболее широким кругом таких документов обладал первый биограф Ж. Ромма Марк де Виссак [4], купивший у потомков знаменитого монтаньяра его личный архив. Но де Виссак ввел в научный оборот лишь небольшую часть этого фонда. К тому же, не будучи профессиональным исследователем, он не давал ссылок на источники. Завершив работу над книгой, он продал бумаги Ромма. Часть их разошлась в розницу через аукцион, основную же массу приобрел российский историк, великий князь Николай Михайлович, работавший над трехтомной биографией П.А. Строганова [5]. Помимо упомянутых документов Николай Михайлович изучил и частично опубликовал переписку Ромма с родственниками его ученика, а также письма самого Павла отцу, графу Александру Сергеевичу Строганову, хранившиеся в архивных собраниях России. Однако значительная часть материалов как фонда Ромма, так и фонда Строгановых осталась вне поля зрения этого историка, а осуществленная им публикация источников, особенно русскоязычных, содержит, к сожалению, много неточностей и искажений текста оригинала.

После Октябрьской революции 1917 г. значительная часть бумаг Ромма попала из России в Италию. Они-то и легли в основу его новейшей биографии, написанной итальянским исследователем А. Галанте-Гарроне [6]. Рассказывая о деятельности Ромма и Строганова в 1789-1790 гг., этот автор опирался прежде всего на переписку Ромма с его друзьями из Риома, хранящуюся ныне в миланском Музее Рисорджименто.

В.М. Далин, посвятивший пребыванию П.А. Строганова в революционном Париже специальное исследование, которое неоднократно переиздавалось как на русском, так и на французском языках [7], был лишен возможности работать в зарубежных архивах с соответствующими документами, но зато использовал официальную корреспонденцию российского посла во Франции И.М. Симолина из фондов Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), которая не была доступна западным специалистам.

И только совсем недавно благодаря участию в работе международного коллектива историков над многотомной публикацией писем и путевых дневников Ромма автор этих строк получил счастливую возможность ознакомиться со всеми известными к настоящему времени материалами по интересующей нас теме, разумеется, кроме тех, что были утрачены после революции 1917 г. На их основе я ниже и попытаюсь максимально подробно восстановить историю пребывания П.А. Строганова в революционной Франции.

* * *

Начало отношениям Ж. Ромма и П.А. Строганова было положено в 1779 г., когда граф А.С. Строганов нанял француза-учителя для воспитания семилетнего сына Попо. Союз этот оказался поистине удивительным: и ученик, и наставник в будущем сыграли видную роль в истории своих стран. Ромм стал крупным деятелем Французской революции, депутатом Законодательного собрания и Конвента, "цареубийцей", проголосовавшим за казнь короля, автором революционного календаря, лидером последних якобинцев, осужденным на смерть после прериальского восстания в 1795 г. Павел Строганов остался в российской истории как ближайший сподвижник императора Александра I, участник и идеолог либеральных реформ начала XIX в., умелый дипломат и талантливый полководец, отличившийся в кампаниях 1808-1809 и 1811-1814 гг.

С конца 1779 г. и до середины 1786 г. Ромм и его воспитанник жили в России. Они много путешествовали - от Белого моря до Черного, от западной границы до Урала. С июля 1786 г. маршруты их странствий пролегали уже по странам Западной Европы: Германии, Швейцарии, Франции. Повсюду Ромма и Попо сопровождал художник Андрей Воронихин, бывший крепостной Строгановых, в будущем - великий архитектор, зодчий Казанского собора в Петербурге. С 1787 г. к ним присоединились также юный барон Григорий Строганов, троюродный брат Павла, в дальнейшем - видный русский дипломат, и его француз-гувернер Ж. Демишель, земляк и друг Ромма. В 1788 г. вся компания покинула Швейцарию и направилась во Францию.

О том, когда именно это произошло, между историками согласия нет. Едва ли не по каждому аспекту пребывания Ромма и Строганова в революционной Франции исследователями высказывались разные, подчас весьма далекие друг от друга взгляды. По словам великого князя Николая Михайловича, "в первых месяцах 1789 года Жильбер Ромм нашел возможным перебраться со своими питомцами в Париж, чтобы там завершить свою задачу. Они отправились через Лион сначала снова в Риом, осматривая на пути шелковые фабрики, угольные копи, оружейные заводы, и вскоре прибыли в Париж" [8]. По мнению же Галанте-Гарроне, Ромм и Строганов пересекли швейцарско-французскую границу летом 1788 г., в подтверждение он ссылаясь на следующие строки из послания Ромма его

другу, директору риомской почты Габриэлю Дюбрелю: "Мы покидаем Женеву в поисках новых сюжетов для образования. Остаток теплого времени года мы хотели бы провести во Франции, в южных областях" [9]. И хотя письмо не датировано, итальянский историк полагает, что оно написано в июне-июле 1788 г. [10]

В действительности же Ромм и Строганов прибыли во Францию в последней декаде мая 1788 г. В письме отцу из Женевы от 10(21) мая Павел, сообщив, что Демишель уже несколько дней, как отбыл в Овернь, добавил: "Мы тоже скоро поедem. Все приготовления к нашему отъезду готовы, мы только ожидаем выздоровления моей кобылы, которая была очень больна" [11]. А в конце мая, как отмечалось в одном из писем племянницы Ромма Миет Тайан, ее дядя с учеником находились уже в Лионе, откуда первый прислал своей матери весточку, предупреждая, что на какое-то время они еще задержатся в этом городе [12]. Но уже 3(14) июня Павел написал отцу из Риома [13].

Этот родной город Ромма был избран для продолжительной остановки не только потому, что наставник Павла после долгой разлуки хотел увидеться с родными, но, возможно, и по причине более прозаической - из-за отсутствия средств для более далекого путешествия. Старый граф по какой-то причине задерживал очередной перевод денег, и Ромм из письма в письмо напоминал ему о необходимости выслать их как можно скорее, чтобы они с Павлом могли продолжить поездку [14]. В ожидании ответа учитель с учеником отправились погостить к матери Ромма в Жимо, деревню вблизи Риома, где поселились в доме, который Ромм еще в 1782 г. через посредников купил на полученное в России жалование.

По свидетельству Миет Тайан, приезда необычной пары ждали уже с начала мая. Мать Ромма пригласила также и остальных своих детей, чтобы после долгих лет разлуки они смогли повидаться с братом. Гости стали съезжаться еще с конца мая, но Ромм и его ученик все не появлялись. Их уже почти отчаялись дожидаться. Но вот 13 июня, когда Миет, жившая в то лето у бабушки, сидела над очередным посланием кухне, ее раздумья оказались прерваны громким шумом, доносившимся снаружи. Снедаемая любопытством, девушка быстро завершила письмо: "Во дворе происходит что-то необычное... Я слышу: лошади, карета. Собаки, гуси, старая Катю (служанка, бывшая нянька Ромма. - А.Ч.) - все голоса одновременно. Прощай. Пойду узнаю, из-за чего весь этот содом" [15]. Причиной переполоха стал приезд долгожданного сына мадам Ромм с воспитанником - "русским принцем". Так жители Жимо окрестили молодого Строганова.

Миет донесла до нас яркий словесный портрет юного Павла Строганова.

"Им нельзя не восхищаться. Он соединяет престиж высокого положения со всеми преимуществами физической привлекательности. Он высок, хорошо сложен, лицо веселое и умное, живой разговор и приятный акцент. Он говорит по-французски лучше, чем мы. Иностранного в нем - только имя да военная форма, красная с золотыми аксельбантами. Его

пепельно-русые волосы, постриженные на английский манер, вьются от природы и слегка касаются воротника. Такая прическа очаровательна, она удачно подчеркивает восхитительную свежесть его лица. Все в молодом графе Строганове, вплоть до уменьшительного имени Поло, исполнено обаяния" [16].

В Оверни Ромм и Строганов пробыли до 19 августа, и все это время учеба Павла не прекращалась ни на один день. Вместе с ним на "уроках" присутствуют племянники Ромма - Бенжамен Ромм, Жан-Батист и Миет Тайаны. В корреспонденции Миет мы находим подробное описание педагогических методов, применявшихся их наставником:

"Он не требует от своих учеников повторять то, что им излагает. Он хочет лишь, чтобы они все поняли. Для этого есть один верный способ. Его рассказ всегда сопровождается демонстрацией. Он сравнивает малые предметы с большими. На берегу пруда можно вообразить, что видишь море: плывущая утка дает представление о навигации; птица, рассекающая воздух, рептилия, ползущая по земле, деревья, плоды и цветы - все служит тому, чтобы запечатлеть в наших умах понятия различных наук. Такая манера учить, прогуливаясь, не может не дать положительного результата. С г-ном Роммом ни одного мгновения не пропадает без пользы. По вечерам, перед сном, он играет с нами в игры, требующие математических расчетов. Развлекаясь, мы учимся считать, что показалось бы нам очень скучным, если бы нас заставляли заниматься этим по обязанности" [17].

Овернь с ее разнообразными ландшафтами и обилием природных ресурсов открывала широкие возможности для занятий естественной историей. Ромм и Строганов пешком и в карете путешествовали по плодородной равнине Лимань, изучали расположенные вокруг нее потухшие вулканы, пили воду из минеральных источников, осматривали месторождения битума. Но и о других науках не забывали. Наблюдение за лунным затмением 23 июня 1788 г. стало наглядным уроком астрономии. В знаменитой военной школе, расположенной в местечке Эфия, Павел и его наставник участвовали в опытах с электричеством. В типографии Клермон-Феррана они знакомились с печатным делом. При посещении замков и храмов Ромм рассказывал ученику об истории Оверни.

Обо всем этом мы узнаем из переписки Миет Тайан. А что привлекало внимание самого Павла? К сожалению, среди архивных материалов, относящихся к овернскому периоду, мне не удалось найти путевой дневник ("журнал") Строганова, где он, как сообщалось им в письмах отцу, делал заметки обо всем увиденном. Та из тетрадей дневника, что имеется в нашем распоряжении, была начата как раз в день отъезда из Оверни, о чем свидетельствует первая же фраза: "19 августа 1788 г. в 7 часов 30 мин. мы покинули Риом, ни с кем не попрощавшись" [18]. О том, что из увиденного произвело на юного графа наибольшее впечатление, можно судить только по трем его письмам, отправленным за это время отцу. Впрочем, данный источник, несмотря на ограниченный объем содержащихся в нем сведений, имеет свои преимущества. Ведение путевого "журнала"

составляло для Павла обязанность, ибо рассматривалось как часть учебного процесса. Дневниковые заметки в дошедшей до нас тетради сухи и формальны. Зато в личной корреспонденции, где юноша не был связан требованием отражать все увиденное, он имел возможность писать лишь о том, что действительно вызывало у него наибольший интерес.

В первом из писем Павел рассказывал о религиозном празднике в Риоме:

"Мы сюда приехали в день святого Амабля, празднуемый торжественно здешними обитателями, потому что сей святой почитается покровителем здешняго города. В оной день бывает великой крестной ход и на завтре ярманка; приезжает к этому ярманка из далека, даже из Лиона. Мы смотрели этой ход, который весьма изряден для такого маленького города. Я думаю, что не трудно найти лутчаго хода, но трудно найти, где б народ весел был, как здешный" [19].

Второе послание отцу содержит подробное описание системы церковной благотворительности в Риоме:

"Во время, которое я к вам не писал, мы видели здесь достопримечательное заведение; некоторыя из здешных господ сообщились числом до тридцати, чтоб подавать помощь бедным семьям, в городе и в окрестностях обитающим. Они имеют собрания в первое воскресенье каждаго месяца, в которых здешной господин *cure* (кюре. - А.Ч.) им подает роспись всех тех бедных семей и их недостатков, для коих те господа складываются деньгами, в течение года до семи тысяч ливров. Оныя деньги отдают сестрам щедрости, имеющим должность приготовить платье, пищу, лекарства и пр. и разносить по домам тех семей" [20].

Третье из писем целиком посвящено взаимоотношениям Павла с его учителем. Судя по приведенным письмам, наиболее живой интерес из всего увиденного юноша проявлял к аспектам, так или иначе связанным с религией. С детских лет Павла Строганова отличала глубокая религиозность. Во многом это было связано с особенностями воспитания. Родным языком он считал французский. Когда же семья вернулась в Россию, мальчика стали усердно учить русскому языку и основам православия. Разумеется, ни в том, ни в другом Ромм не был компетентен, и задача преподавания этих предметов легла на плечи русских учителей.

Более того, согласно педагогической теории Ж.Ж. Руссо, которую Ромм положил в основу своей системы воспитания, регулярные занятия с ребенком следовало начинать лишь с 12 лет. Вот почему Ромм и приступил к ним лишь в 1784 г. Следовательно, с 7 до 12 лет, когда ребенок особенно восприимчив к новым впечатлениям, Поло систематически изучал лишь русский язык и религию. Да и позднее, как свидетельствуют письма юного Строганова из Киева 1785-1786 гг., эти предметы занимали наибольшую часть его учебного времени в течение всего периода пребывания в России [21]. Не удивительно, что ко времени отъезда за границу, где Павлу предстояло интенсивно осваивать естественные и точные дисциплины, его религиозные убеждения были уже прочными. Как отмечал Ромм в одном из

писем, "особенно живой интерес он проявляет к Священному писанию. В те моменты, когда мы можем заняться чтением, я ему предлагаю различные интересные произведения, которые он мог бы слушать с удовольствием, но он постоянно предпочитает Ветхий или Новый Завет" [22].

В литературе нередко встречается мнение, что воззрения Павла Строганова полностью определялись Роммом и совпадали со взглядами последнего. Так, советская исследовательница К.И. Раткевич писала: "Воспитанником своим Ромм завладел всецело. Мальчик говорил его словами, думал мыслями, подсказанными наставником, реагировал на впечатления внешнего мира в соответствии с его принципами. Так продолжалось и тогда, когда он стал юношей" [23].

В действительности же их сосуществование было далеко не столь гладким и подчас омрачалось острыми конфликтами. Вступая в должность гувернера, Ромм питал надежду создать из своего воспитанника того самого "естественного человека", которого Руссо изобразил в знаменитом трактате "Эмиль, или о воспитании". Подписав договор с графом А.С. Строгановым, Ромм 11 мая 1779 г. делился с Дюбрелем планами на будущее: "Мы увидим Петербург, Голландию, Пруссию, Англию, затем я представлю своим добрым друзьям в Риоме ученика, достойного их, поскольку хочу сделать из него человека. Именно таким он выйдет из моих рук" [24]. Характерно, что Ромм почти дословно цитирует Руссо: "Выходя из моих рук... он будет прежде всего человеком" [25].

Однако живой ребенок оказался совсем не похож на выдуманного Руссо Эмиля, особенно когда подошел к подростковому возрасту. В письмах старшему Строганову Ромм не раз жаловался то на "излишнюю живость" Поло, то на его "инертность и лень".

Учитель и ученик ссорились, не разговаривали порою по много дней. Тогда Ромм переходил на письменное общение с воспитанником, сочиняя длинные обличительные послания, вроде следующего:

"Отказавшись от моих забот ради своей самостоятельности, вы впали в невежество, чревоугодничество, лень, неучтивость и самую возмутительную неблагодарность. Несчастный! Если это будет продолжаться, вы скоро станете самым презренным, самым отвратительным существом" [26].

К концу пребывания в России Ромм даже обращался к А.С. Строганову с просьбой об отставке с поста воспитателя:

"Господин Граф, я признаю свое бессилие. Я чувствую себя абсолютно неспособным достичь даже посредственных успехов на этом тернистом поприще. Опыт более чем семи лет дает мне право признаться в своей полной непригодности. Теперь я жалею о том, что столь долго занимал место возле вашего сына, которое кто-нибудь другой мог заполнить с большей пользой для него и к большому удовлетворению для вас и всех тех, кто заинтересован в его воспитании" [27].

Конфликты между Роммом и его подопечным не прекратились и после отъезда из России. Во время одного из них Павел даже просил у отца

разрешения покинуть Женеву и отправиться в действующую армию на турецкий фронт [28]. Однако ссоры с воспитателем, как правило, заканчивались раскаянием юноши. Так, уже через три дня после этой отчаянной просьбы Павел писал родителю:

"Вы знаете, что мой величайший порок до сих пор есть ленность. Господин Ромм много трудился, чтоб во мне искоренить оной. В том, как и во многих других вещах, я был столь глуп, его не хотел слушать, на то вас покорно прошу мне его простить, ибо чувствую, что тем вам и всем моим родным буду очень не угоден. Я взял сильное намерение его во всем слушать и совершенно надеюсь на вашу отеческую милость".

После чего Ромм добавлял:

"Господин Граф, постскрипум Поло дает вам понять, что в отношениях между нами далеко не всегда царит полное взаимопонимание. Его легкомыслие, а особенно ощущение собственных сил, придающее ему с каждым днем все больше энергии, заставляют его порою возмущаться теми ограничениями, которыми я сдерживаю его переменчивые капризы. Разума, того единственного средства, коим я бы хотел на него воздействовать, всегда оказывается недостаточно" [29].

Внешне же отношения Ромма с его подопечным выглядели почти идеальными. Со стороны невозможно было догадаться о существовавшем напряжении между учителем и учеником. Миет Тайан с восхищением описывала кухне тот спартанский образ жизни, к которому приучал Павла Строганова его наставник:

"Нет необходимости обладать миллионами, моя дорогая подруга, чтобы жить в таких лишениях, как г-н Граф. Его воспитание, вместо того, чтобы учить пользоваться своим достоянием, формирует привычку обходиться без оногo. Выросший в суровых условиях, он сумеет выдержать превратности судьбы, не жалея о том, к чему привыкают богачи. Предназначенный к военной службе, он порой должен будет обходиться без самого насущного. Привыкнув с ранних лет к лишениям, он станет страдать от них меньше, чем другие. Ему не придется отказываться от перины, чтобы спать на голых досках; ведь он никогда не знал мягкой постели. Последний из солдат спит в лучших условиях, чем он. Г-н Ромм утверждает, что именно такому режиму г-н Граф обязан своим хорошим здоровьем. Когда он (Ромм. - А.Ч.) взялся за его воспитание, тот, как и все дети богачей, был слабым, капризным и злым, постоянно плакал, требуя исполнения все новых прихотей, которые иногда невозможно было удовлетворять. Он был обузой для него (Ромма. - А.Ч.) и для других. Терпение и большие способности г-на Ромма позволили избавиться от всех этих мелких недостатков: характер его улучшился, здоровье стало совершенным. Подобная счастливая перемена доказывает преимущества системы, против которой мы роптали. Я начинаю верить, что мой дядя прав" [30].

В словах Миет отчетливо слышен тот апломб, с которым Ромм, очевидно, объяснял своим слушателям достоинства осуществлявшейся им системы воспитания.

Обладая почти неограниченной властью над подопечным, Ромм охотно демонстрировал ее в присутствии родных и земляков, публично заставляя Павла отказываться даже от самых невинных удовольствий, не совместимых, по мнению учителя, со спартанским образом поведения. О нескольких таких случаях Миет сообщала в письмах:

"Ты будешь весьма удивлена, моя дорогая подруга, когда узнаешь, что граф не может съесть ничего из того, что захочет, не посоветовавшись со своим воспитателем. Я опасалась, что наша кухарка окажется недостаточно искусна для столь богатого наследника; однако приготовить то, что ему позволено, смогла бы и самая последняя судомойка: жареное мясо, пареные овощи, сырые яйца, молоко и фрукты. Вино - никогда, тем более ликер, и никакого кофе. Вот примерно и все обычное меню молодого человека, который однажды получит состояние в несколько миллионов. Моя мать, не зная о режиме графа, предложила ему котлеты в пикантном соусе. Он взял их, не обратив внимания, и уже начал есть, когда это заметил г-н Ромм. Он (Ромм - А.Ч.) подал ему знак, выражая свое неудовольствие. Ученик послушно положил на тарелку кусочек, который уже собирался нести в рот, возможно, сожалея, что не успел осуществить это намерение. Мы восхищались покорностью графа и критиковали суровость г-на Ромма. <...> Г-н Ромм молча выслушал то, что семья считала вправе ему высказать. Когда все закончили говорить, он встал и торжественно заявил, что все сказанное ему по поводу ученика вызывает лишь досаду, но никоим образом не изменит план воспитания. Твердый в своих решениях и в своих принципах, он никогда не уступает чьим-либо просьбам. Как ты понимаешь, после этого каждый предпочитает держать свое мнение при себе. Мы позволяем себе лишь потихоньку жалеть молодого графа, у которого непреклонность наставника, похоже, не вызывает такого же протеста, как у нас. Он так ему доверяет, что легко подчиняется всем ограничениям, которые тот на него налагает.

Поведаю тебе об одном случае, показывающем, какое влияние он (Ромм - А.Ч.) на него имеет. Вчера Бенжамен, мой брат, и я пошли в сад играть в волан. Г-н Граф нас увидел и захотел присоединиться. Он только начал партию, когда пробило три. Г-н Ромм показал ему на часы. Поло попросил еще две минуты, на что мудрый ментор отвечал: "Сударь, если вы предпочитаете удовольствие работе, можете остаться, я вас не удерживаю". Поло понял, что тот хотел сказать, бросил ракетку и безропотно последовал за ним. Не знаю, кто заслуживает большего восхищения: ученик или учитель" [31].

И все же покорность Павла носила в значительной степени лишь внешний характер. Если в это время дело не доходило до открытого конфликта, как было в Женеве, то сие отнюдь не означало, что юноша исполнился сознательной готовностью следовать предписаниям педагогической системы Ромма. Он весьма болезненно переживал размолвки с учителем, ибо считал, что, допуская их, проявляет непослушание воле отца

и, соответственно, нарушает долг христианина. Однако конфликты не прекращались.

"Милостивой государь и почтенный отец мой, - писал Павел. - Я получил вчерась ваше письмо, писанное ко мне мая 26 дня. В самом деле, я в Женеве был с два месяца нехоте вши никаким образом слушать господина Рома и так его раздражил, что он было хотел ехать в Россию после его свидания с его родными, но я, узнав мою вину, и мы помирились. Ежели мне случается иногда еще ему не послушаться, я сколь скоро что узнаваю, в чем виновен, то я ему прощение спрашиваю, но я стараюсь ему всегда послушаться" [32].

Но, как свидетельствовала Миет Тайан, близко наблюдавшая Павла Строганова на протяжении более двух месяцев, юноша, оказываясь вне поля зрения учителя, пренебрегал его запретами. Так, на сельском празднике 23 июня, когда Ромм отправил своего питомца вместе с другими молодыми людьми разносить гостям крепкие напитки, Павел тайком опустошил полбутылки анисовки, сознательно нарушив требования наставника, не разрешавшего ему пить даже кофе [33].

* * *

Лето подошло к концу, и Ромм с подопечным покинули Риом, отправившись в путешествие по Франции. Маршрут был намечен еще в Женеве, о чем Ромм сообщал Дюбрелю в упоминавшемся выше письме без даты: "Мы хотели бы посмотреть, какие предметы первой необходимости производятся в Лионе, увидеть бумажное производство в Аннонэ, лесоперерабатывающие заводы, замечательное предприятие Крезо в Бургундии, откуда поедem пожить в один из южных городов" [34]. Эту программу Ромм и Строганов выполнили полностью, за исключением последнего пункта, изменить который их заставили начавшиеся во Франции политические события.

В отправленном из Лиона письме от 27 августа (7 сентября) 1788 г. Павел так рассказывал отцу о первом этапе их вояжа:

"Мы выехали из Риома августа 9-го дня (правильно: 19-го. - А.Ч.) и были потом в Сент-Этиене, в Форе, где видели заводы огнестрельных ружьев. Оттуда мы проехали в Аннонэ, где видели бумажные, для письма фабрики господ Montgolfier и Johannot, лутчия из всех нами виденных; а оттуда приехали в Лион 24-го дня, где и теперь находимся. Я вам не описываю здесь все, что мы видели в тех заводах, потому что это бы было слишком длинно; но я буду вам оное сообщать в моем журнале" [35].

О следующем отрезке путешествия нам известно из записных книжек Ромма: он и его ученик посетили знаменитый уже тогда центр металлургии - заводы Крезо, где ознакомились с самыми передовыми для Франции того времени технологиями. "Семь лет назад, - пометил в блокноте Ромм, - Крезо еще ничего из себя не представлял, а сегодня это только что появившееся предприятие привлекает к себе взгляды всех просвещенных людей" [36].

В конце октября Ромм и Строганов вернулись в Лион. Похоже, именно здесь и было принято решение об изменении дальнейшего маршрута. Вместо южных провинций, как это планировалось ранее, учитель и ученик направились в Париж. В письме из Лиона от 21 октября (1 ноября) молодой человек сообщал отцу: "Брат (Г.А. Строганов. - А.Ч.) поехал вчера поутру в южные провинции Франции; а мы скоро поедем посмотреть соляные варницы, существующия в Франш-Конте, и думаем соединиться с ним в Париже чрез полтора месяца" [37].

Что побудило Ромма изменить первоначальные намерения?

8 августа 1788 г. Людовик XVI постановил созвать 4 мая следующего года Генеральные штаты. Происходившие до того времени политические события во Франции не только никак не влияли на разработанный Роммом план учебы воспитанника, но даже не находили никакого отражения в корреспонденции обоих. Однако всплеск общественной активности, вызванный известием о предстоявших выборах, не остался незамеченным. Ну, а поскольку главной целью продолжавшихся уже без малого 10 лет путешествий Ромма и Строганова было прежде всего знакомство со всевозможными достопримечательностями, наставник и его подопечный не могли оставить без внимания такую редкость, как собрание представителей трех сословий, ранее состоявшееся в последний раз в 1614 г. Очевидно, желание своими глазами увидеть подготовку к этому историческому событию и заставило Ромма направиться с учеником в Париж. Он так объяснил изменение своих планов матери в письме от 24 октября: "Хотя мы не являемся людьми государственными и нам нечего делать на общенациональных собраниях, которые вскоре состоятся, они, однако, внесли кое-какие коррективы в наши намерения. Мы едем в Париж на четыре месяца раньше" [38]. По наблюдению Галанте-Гарроне, о возникшем тогда у Ромма интересе к общественным делам свидетельствовало и то, что впервые в списке приобретенных им книг в ноябре появилась политическая брошюра "Письма о нынешних волнениях в Париже" [39].

Павел Строганов, рассказывая тетке в письме от 21 октября (1 ноября) о ближайших планах, также связывал свой приезд в Париж с созывом Генеральных штатов: "Мой кузен отправился вчера утром в вояж по южным провинциям Франции, который продлится около двух месяцев. Мы же тем временем осмотрим солеварни во Франш-Конте, откуда поедем через Овернь в Париж. Кузен присоединится к нам в Париже в начале года, когда соберутся Генеральные штаты. Я с нетерпением буду ждать этого момента" [40].

Последняя фраза относилась к встрече Павла с троюродным братом, а отнюдь не к началу работы Штатов. Политика занимала пока скромное место среди его интересов: в письме отцу, отправленном в тот же день, о Генеральных штатах вообще не упоминалось. Такое умолчание отнюдь не было связано с желанием уберечь родителя от тревожных вестей. Вестей о созыве Штатов большинство французов встретило с энтузиазмом, и никто не мог предвидеть последовавших вскоре революционных событий. Кстати, о них

Павел в дальнейшем информировал отца весьма подробно и регулярно. Осенью же 1788 г. он пока еще не придавал политическим событиям большого значения.

И все же именно с этого времени их отзвуки нет-нет да и появлялись в его корреспонденции наряду с привычным перечислением увиденных достопримечательностей. Так, в направленном из Безансона послании от 16 ноября юноша сообщал: "Мы выехали из Лиона сего месяца 4-го дня и уже видели соляные варницы Франш-Конте, о которых я вам буду говорить в моем журнале. Мы находимся теперь в сем городе во время весьма достопримечательное, ибо собрание провинции сей, не бывшее от 1614 года, теперь началось и привлекло великое множество приезжих" [41].

В исторической литературе высказывались разные суждения о времени прибытия Ромма и Строганова в Париж. Великий князь Николай Михайлович датировал их появление там началом 1789 г. Вероятно, вслед за ним такого же мнения придерживался и Далин: "Не окажется Ромм и его воспитанник в Париже в первые месяцы 1789 г., кто знает, как сложилась бы его жизнь" [42]. А по утверждению Галанте-Гарроне, "Ромм приехал в Париж 24 ноября 1788 г." [43] Впрочем, ни одна из этих версий не подтверждается документами. В письме от 16 декабря 1788 г. Павел извещал отца: "Уже три дня тому назад как мы в Париже" [44]. Ну, а поскольку он обычно датировал свои послания либо одновременно числами старого и нового стилей, разница между которыми составляла 11 дней, либо (как, очевидно, и на сей раз) только старого, то, произведя соответствующие вычисления (16 - 3 + 11), мы получим 24 декабря. Первое из парижских писем Ромма графу Строганову [45] датировано 17 декабря 1788 г., очевидно, также старого стиля, которым Ромм нередко пользовался при отправке корреспонденции в Россию.

Нет единства мнений среди исследователей и относительно цели появления Ромма и его ученика в Париже. Великий князь Николай Михайлович считал, что, направляясь в столицу, наставник юного графа уже имел твердое намерение сменить деятельность преподавателя на карьеру политика:

"Ромм едва ли был чистосердечен, когда писал своей матери, что "мы люди не политические, и нам нет никакого дела до народных сборищ". Напротив, никто так не увлекся окружающим, так резко не отказался от своих любимых занятий наукой и так сразу не вошел в сферу огня, с увлечением и страстью, как Жильбер Ромм. Все прошлое было им забыто в одно мгновение" [46].

По словам этого автора, произведенная по инициативе учителя замена фамилии его воспитанника на псевдоним свидетельствовала о заранее выношенном замысле Ромма заняться политической деятельностью:

"Если он, въезжая в Париж, нашел более осторожным переменить фамилию графа Строганова на Очер, то ясно, что Ромм сознавал необходимость этой меры, и еще в горах Оверни, в начале 1789 года, его мысль определенно работала в известном направлении, весьма отдаленном от воспитательской деятельности" [47].

Возражая великому князю Николаю Михайловичу, Галанте-Гарроне полагал, что Ромм, изменив намеченный маршрут путешествия по Франции, поехал в Париж именно для того, чтобы продолжить образование своего подопечного. Однако итальянский исследователь считал, что такое образование состояло прежде всего в приобретении юным графом политического опыта, необходимого для будущего государственного мужа. Принятое Роммом решение отправиться в столицу, по мнению этого историка,

"не было результатом компромисса между обязанностями наставника и нарождающейся страстью к политике; тем более это не было изменой его прежней деятельности; оно было продиктовано искренним убеждением, что понаблюдать воочию за перипетиями столь великих событий может оказаться не менее полезно для образования молодого русского, чем посещать промышленные предприятия и изучать иностранные языки" [48].

Но перемену фамилии Строгановым Галанте-Гарроне тоже связывал с политической ситуацией:

"Зачем потребовалась такая мера предосторожности? Вряд ли тогда еще Ромм предполагал, что его ученик окажется замешан в политических событиях, однако он, несомненно, считал, что имя наследника русского аристократического рода будет в Париже помехой в то время, когда французская буржуазия начала борьбу за свои права и общественное мнение раскалилось до предела. Для юного российского аристократа лучше было сохранить инкогнито, чтобы раствориться в огромной толпе народа, который уже поднял голову и преисполнился надеждой" [49].

Далин также полагал, что Павел Строганов принял псевдоним по политическим мотивам, но датировал это несколько более поздним временем: "Вскоре, 7 августа (1790 г. - А.Ч.), он получил диплом члена Якобинского клуба... Из предосторожности он присвоил себе имя Павла Очера (так называлась речка, у которой в Пермской губернии был расположен один из уральских заводов Строгановых)" [50].

Изучение всей совокупности известных к настоящему времени документов позволяет уточнить представление о том, с какими целями Ромм и Строганов прибыли в Париж. Все вышеназванные авторы, помня о последующей судьбе Ромма, переоценивали влияние политического фактора на его планы того времени. Хотя желание воочию узреть исторические события, связанные с созывом Генеральных штатов, и побудило Ромма изменить маршрут путешествия, главной целью для него по-прежнему оставалось образование воспитанника, прежде всего в области естественных и точных наук. А где, как не в Париже, имелись для этого наиболее благоприятные возможности?

В дополнении к упомянутому выше письму Павла от 16 декабря 1788 г. Ромм делился с отцом ученика следующими педагогическими соображениями:

"Ваш сын должен прослушать здесь такие необходимые для своего образования курсы, как естественная история и горная химия, к коим мы

добавим также все то, что позволит сделать оставшееся от занятий ими время. Здоровье у него весьма крепкое. Он прошел сотни лье пешком по декабрьским холодам через Франш-Конте, изучая солеварни. Ростом он уже значительно превзошел меня и, думаю, вас тоже, насколько я могу судить по памяти" [51].

Об основательности педагогических планов Ромма свидетельствовало и его письмо А.С. Строганову от 12(23) февраля 1789 г., где изложена развернутая программа обучения Поло [52]. Этот документ в значительной степени проливает свет на причины изменения Роммом фамилии Павла. Жизнь инкогнито должна была, по мысли наставника, избавить молодого человека от необходимости возвращаться в светских кругах с их многочисленными соблазнами, а потому рассматривалась Роммом как необходимое условие нравственного воспитания юноши. Вот почему решение о перемене имени было принято одновременно с принятием решения о поездке в Париж - в октябре 1788 г., когда еще никому и в голову не приходило, что некоторое время спустя во Франции возникнет необходимость скрывать аристократическое происхождение по политическим мотивам.

Впервые упоминание о псевдониме Павла Строганова появляется в письме Ромма Дюбрелю, отправленном из Лиона 4 октября 1788 г.:

"Я счел уместным изменить имя Поло. Барон (Г.А. Строганов. - А.Ч.) также захотел изменить свое, о чем он известит вас лично. Поло выбрал имя "Очер" по названию одного из владений его отца в Сибири. Пожалуйста, примите это во внимание. Во время пребывания в Париже его надо называть просто г-н Очер. Графа Строганова там быть не должно" [53].

Павел известил об этом решении отца в письме из Лиона от 21 октября (1 ноября):

"Как господин Ромм хочет, чтоб я был не известен в сем городе (Париже. - А.Ч.), то он мне присоветовал переменить мое имя, и я избрал Очер - имя вашего завода" [54].

В Париже учебные занятия Павла Строганова продолжались, как и прежде, а объем их, возможно, даже увеличился. Согласно записям в книге расходов, которую вел Ромм, сразу после их приезда был нанят учитель немецкого языка, а позже Павел и присоединившийся к нему Григорий Строганов стали посещать курсы военного искусства [55]. Круг их общения также составляли в основном люди, связанные с науками. В письме от 12(23) февраля Павел отмечал: "Мы здесь часто видим господина de Mailli, и у него видели часть привезенных им из России руд, кои доказывают чрез их драгоценность его великим охотником и бывшим в дружестве с теми, которые имеют лутчия рудники в Сибири" [56]. В письме от 31 марта (11 апреля) он сообщает отцу о встрече со знаменитым швейцарским натуралистом и философом Горацием-Бенедиктом де Соссюром [57], с которым познакомился еще в Женеве. Письма Павла и его учителя в Петербург зимой и весной 1789 г. не содержат ни малейшего упоминания о политических событиях. Другой источник, а именно - переписка Ромма с его

риомскими друзьями, также свидетельствует о том, что и наставник, и его ученик до мая 1789 г. обращали на политику мало внимания, сосредоточившись в основном на занятиях науками [58].

В апреле пришло сообщение из Петербурга о смерти барона А.Н. Строганова, отца троюродного брата Павла. Григорий начал готовиться к отъезду в Россию. Письмо от 31 марта (11 апреля), которым Павел откликнулся на столь печальное известие, ярко показывает глубокую и очень искреннюю религиозность этого еще совсем молодого человека:

"Милостивой государь и почтенной отец мой. Я весьма сожалею о смерти дядюшки; это великая потеря для всей его фамилии, а наипаче для брата, весьма несчастливо, что ему должно было оставить свои учения в такое время, в которое они ему больше б пользы могли принести. Я чувствую, что сия потеря должна и вас весьма оскорблять, а особливо нечаянностью, ибо дядюшка помер в таких летах, в которых обыкновенно человек бывает крепче. Но надобно думать, что сие к лутшему зделано, ибо Бог ничего не делает, которое бы не было весьма хорошо; в коего вера тем весьма утешительна, что, ежели, с одной стороны, мы оскорблены чем-нибудь, можем, с другой, нас утешать тем, что противное тому хуже б было" [59].

* * *

В мае, с открытием Генеральных штатов, распорядок занятий Павла Строганова претерпел серьезные изменения. Ромм и его подопечный начали регулярно посещать Версаль, где с трибуны наблюдали за работой Штатов. Вероятно, первое время Ромм полагал, что ему удастся совмещать столь интенсивное увлечение политикой с продолжением систематического образования ученика. В мае он направил А.С. Строганову письмо с пространном планом дальнейшей учебы его сына. Без указания даты оно впервые было опубликовано великим князем Николаем Михайловичем [59]. По мнению Галанте-Гарроне, документ составлен в апреле 1789 г. - накануне отъезда на родину Г.А. Строганова, т.е. до начала работы Генеральных штатов, сразу после которого Ромм, как полагал итальянский историк, оставил все свои педагогические начинания [60].

Судя по тексту письма, его, скорей всего, действительно повезли с собой в Петербург Г.А. Строганов и Демишель. Однако из Парижа они уехали не в апреле, как думал Галанте-Гарроне, а 12 мая [62] - неделю спустя после открытия Генеральных штатов. Впрочем, последнее обстоятельство пока еще ничуть не мешало Ромму строить новые планы в отношении своего питомца:

"К концу года мы намереваемся проехать в южные провинции, оттуда направимся в Германию, Голландию и Англию, дабы продолжить занятия по различным дисциплинам <...>. Пребывание в Германии будет преследовать цель упрочить наши навыки в немецком и приступить к изучению права. После овладения этим языком, знать который в России настоятельно

необходимо, я хочу, чтобы он (Павел. - А.Ч.) освоил английский, дабы суметь прочесть вышедшие на нем несколько хороших книг по искусству. Изучение этих языков окажется для него менее трудным, поскольку он довольствуется освоением прозы, которая всегда проще, чем речь поэта" [63].

Столь замечательным прожекам суждено было остаться только на бумаге. Водоворот революционных событий все глубже затягивал и учителя, и ученика. В монографии Галанте-Гарроне детально показан процесс быстрой радикализации в мае-июне 1789 г. взглядов Ромма, прежде безразлично относившегося к политике. О воззрениях его подопечного известно гораздо меньше. Логично предположить, что резкая смена обстановки, когда юноша, которого долгое время воспитывали анахоретом, вдруг оказался в гуще политических страстей, произвела на него достаточно сильное впечатление. Если еще осенью предыдущего года политика имела для Павла более чем второстепенное значение, то с июня 1789 г. она стала регулярно появляться в его письмах к отцу. Так, 15(26) июня 1789 г. Павел сообщал: "Мы здесь имеем весьма дождливое время, что заставляет опасаться великаго голода, который уже причинил во многих городах бунты. Теперь в Париже есть премножество войск собрано, чтобы от возмущений удерживать народ, который везде ужасно беден" [64].

А Ромм в посланиях старшему Строганову, напротив, вообще не касался политических тем, рассказывая преимущественно об успехах юноши в учебе. Так, в письме от 16(27) июня он сообщал: "Ваш сын добился успехов в плавании: дважды он пересек Сену в достаточно широком месте" [65]. И даже в день парижского восстания и взятия Бастилии, т.е. 3(14) июля, Ромм в письме, ни словом не упомянув о происходившем на улице, ограничился обсуждением исключительно учебы: "Я не могу не обратиться к Вам снова с просьбой, повторяя которую, уже наскучил, но она для нас важна, а именно - прислать нам те предметы, которые уже давно собираете для нас и которые могли бы расширить познания Вашего сына в географии, истории и экономике его родины. Он находится в добром здравии и добился больших успехов в тех физических упражнениях, которыми занимается, но особенно в плавании" [66].

Однако события 14 июля получили огромный резонанс не только во Франции, но и далеко за ее пределами, а потому дальнейшее умолчание о них Ромма могло вызвать недоумение старого графа. И когда Павел 9(20) июля известил отца о случившемся: "Вы, может быть, уже знаете о бывшем в Париже смятении, и Вы, может быть, беспокойны о нас, но ничего не опасайтесь, ибо теперь все весьма мирно" [67], - Ромм от себя добавил: "Господин Граф, мы могли бы Вам писать чаще, чтобы предотвратить тревогу, которую у Вас могут вызвать сообщения газет о происходящем в Париже. Теперь же вокруг нас все в совершенном спокойствии" [68].

С этого времени мало какое из писем уже не только Павла Строганова, но и Ромма обходилось без того или иного упоминания о событиях революции. 24 июля (4 августа) Попо рассказывал о посещении с наставником разгромленной народом Бастилии [69]. Сам Ромм в тот же день

направил А.С. Строганову письмо с объяснением причин их задержки в Париже:

"Мы отложили наше путешествие в южные провинции, поскольку при этом всеобщем брожении умов, которые повсюду заняты исключительно вопросами власти и управления, мы не смогли бы там столь же успешно обеспечить себе образование, развлечение и безопасность. Г-н де Лафайет, главнокомандующий городской милицией Парижа, и г-н Байи, мэр города, установили прекраснейший порядок во всех кварталах. Повсюду здесь царит спокойствие, и пребывание в Париже теперь более безопасно, нежели во всей остальной Франции" [70].

Утверждая последнее, Ромм мог сравнивать положение в столице с ситуацией в его родной Нижней Оверни, охваченной в те дни, как, впрочем, и вся остальная Франция, "великим страхом". Дюбрель сообщал Ромму, что провинция взбудорожена слухами о появившихся неизвестно откуда таинственных разбойничьих шайках, одно известие о приближении которых вызывает страшную панику [71]

Между тем "политическое образование" Ромма и Строганова продолжалось, поглощая почти все их время. Все другие занятия оказались заброшены. Поездки в Версаль стали едва ли не ежедневными, а с 11 августа Ромм даже снял там квартиру, которую они с Павлом покинули лишь в октябре, с переездом Национального собрания в Париж [72]. В послании Дюбрелю от 8 сентября Ромм так описывал освоение нового и для учителя, и для ученика "предмета":

"В течение некоторого времени мы регулярно посещаем заседания Национального собрания. Они мне представляются отличной школой общественного права для Очера. Он проявляет к ним живой интерес, все наши разговоры теперь только об этом. Получаемые нами со всех сторон знания обо всех важнейших сторонах политического устройства столь прочно завладели нашим вниманием и настолько заполняют наше время, что любое другое занятие для нас оказывается почти невозможным" [73].

В какой степени эти "уроки" были усвоены Павлом Строгановым? Политика действительно стала наиболее подробно освещавшейся в его корреспонденции темой. Особое внимание он уделял положению с продовольствием, считая основной причиной народных волнений недостаток хлеба. Едва ли не в каждом письме он так или иначе касался этой темы, сообщая, как обстоят дела со снабжением населения продовольствием:

9(20) сентября 1789 г. - "Здесь жатва хотя и была хороша, однако же весьма трудно достать хлеба, и не знают, к чему сие приписать; говорят, что много вывозят для императора (хотя вывоз весьма строго запрещен)" [74];

23 сентября (4 октября) - "Здесь все весьма тихо, хлеб не редок, как был прежде, и так народ не бунтуется" [75]. Любопытно, что уже на следующий день после того, как это было написано, в Париже начались волнения, вылившиеся в поход плебса на Версаль. И в дальнейшем продовольственная проблема постоянно находила отражение в письмах Павла:

11(22) ноября 1789 г. - "Все мирно теперь в Париже и хлеб не редок" [76],

2(13) декабря - "Здесь все мирно и уверяют, что меры взятые снабдили Париж хлебом на целую зиму" [77].

Письмо от 17(28) декабря 1789 г. также показывает, что перспективу гражданского умиротворения во Франции Павел Строганов связывал с благоприятным урожаем грядущего года. В небольшой приписке к этому посланию Ромм добавлял: "Мы можем лишь повторить, что порядок и безопасность укрепляются с каждым днем, что все идет к установлению мира и что мы здесь пользуемся всеми благоприятными возможностями, которые нам предоставляются в данных обстоятельствах" [78].

Любопытно, что двумя неделями позже младший Строганов почти дословно повторил то же самое: "Я не имею ничего другого вам сказать, как только, что здесь все спокойно и в мире" [79].

И это далеко не единственное совпадение в оценках ситуации учителем и учеником. Так, в их письме от 25 ноября (6 декабря) Ромм описывал ее в выражениях, весьма схожих с приведенными выше высказываниями Павла: "Здесь царят порядок и мир; хлеб, столь необходимый для их поддержания в народе, обилен и хорош" [80].

Есть и другие примеры, свидетельствующие о близости взглядов Ромма и младшего Строганова. Выше уже приводилась положительная оценка Роммом деятельности маркиза де Лафайета и Байи [81]. Так же отзывается о роли Лафайета в событиях 5-6 октября и Павел Строганов, выражая в письме отцу от 4(15) октября как собственное мнение, так и мнение наставника ("я с господином Ромом думаю").

Отметим также, что из всех существовавших тогда версий о причинах стихийного похода парижан на Версаль Павел приводил ту, которой придерживались наиболее последовательные сторонники революции, а именно - "заговор" противников реформ:

"Теперь Париж весьма спокоен, меры, которые взял маркиз de la Fayette для сего, не оставляют никакого страха для совершенного мира; нынешние мятежи меня ни под каким видом не удивляют, но, на против, кажутся весьма натуральными, ибо французской народ переменяет свою constitution, что и причиняет великое множество не довольных, которые думают привести паки древнюю чрез оныя, они желают внутренней войны, и есть многия, кой боятся, чтоб она не случилась, но я с господином Ромом думаю, что это совсем без основания, по хорошим мерам, которые против ея взяты. Не давно что было еще в Париже великое смятение, причиненное одним пиром, данным королевскими лейб-гвардиями, в котором они произносили в пресудствии короля и королевы многия ругательства против l'assemblee nationale (Национального собрания. - А.Ч.) и народного банта, которой есть синяго, краснаго и белаго цветов, бросив его под ноги, и тем вооружали против себя около пятнадцати тысяч человек из парижскаго гражданского войска, пришедших в Версалию под предводительством маркиза de la Fayette, сии последния их прозбами принудили короля со всею

его фамилиею переехать в Париж, где он и пребывает в Tuileries (Тюильри. - А.Ч.), охраняем гражданским войском, а не лейб-гвардиями; с тех пор все в Париже в современном мире. L'assemblee nationale также от ныне пребудет в Париже. Я вам советую не тревожиться о нас, ибо я уверен, что нечего бояться" [82].

Неоднократно встречающиеся совпадения в оценках событий Роммом и его подопечным являются свидетельством значительного влияния на Павла Строганова взглядов наставника. И все же из этой констатации еще отнюдь не следует, что ученик смотрел на происходившее исключительно глазами учителя и полностью разделял его воззрения. С появлением нового и общего для обоих увлечения политикой прежние противоречия в их личных отношениях не только не исчезли, но даже усилились. Если еще осенью 1788 г., во время путешествия по Франш-Конте, Ромм сообщал старшему Строганову о том, что вполне удовлетворен поведением воспитанника, который проявляет все большую готовность к послушанию [83], то уже летом 1789 г. конфликты между учителем и учеником возобновились. 19(30) августа Павел писал в Петербург:

"Милостивой государь и почтенной отец мой. Мы получили ваше письмо, писанное из Сарскаго села от 21-го июля; я весьма чувствителен к милостям, которые вы для меня всегда имеете, а наипаче в сем случае; хотя я не всегда их достоин. Я чувствую, что уже несколько времени, как я не имею с гоподином Ромом такое поведение, каковым я ему должен; я его не слушаю, как должен слушать; и чувствую, что, имевши с ним худое поведение, я не держу слова, которое вам дал, и, следовательно, против Бога грешу; рассматривая все сие, я возбужден сие письмо к вам написать и сделать сие исповедание, надеявшись на вашу милость меня в том простить, ибо я весьма в сем поведении раскаиваюсь" [84].

Ромм же в письмах старому графу не раз жаловался на "моральную инертность" своего воспитанника [85]. К сожалению, из корреспонденции не ясно, в чем именно проявлялись разногласия между Роммом и младшим Строгановым. Возможно, повзрослевший Павел все больше тяготился мелочной опекой со стороны наставника? А может, просто сказалась разница в темпераментах? [86]

Во всяком случае она весьма заметна в отношении каждого из них к происходившим вокруг событиям. Задумчивый, чувствительный и глубоко религиозный юноша далеко не в полной мере разделял тот революционный энтузиазм, которым все больше проникался Ромм. Наставник Павла ощущал себя полноправным участником революции. Начав с того, что добровольно взял на себя миссию информировать земляков о работе Национального собрания, он к концу 1789 г. уже являлся одним из наиболее активных вдохновителей "левых" своего родного города.

В письмах Дюбрелю, которые в Риоме зачитывались вслух перед многочисленной аудиторией, Ромм оправдывал совершавшиеся в стране акты революционного насилия. По горячим следам событий 5-6 октября он, например, писал: "Доводы одного лишь разума способны повлиять только на

слабых и добрых, надо, чтобы разуму предшествовал террор, способный переубедить всех" [87]. И даже в письмах А.С. Строганову, где Ромм умалчивал о своем личном участии в политике, он не скрывал сочувствия к происходившим переменам. Так, когда отец Павла попросил его выкупить заложенные некогда графиней Строгановой фамильные ценности, Ромм, обсуждая возможность этой операции, мимоходом дал понять, что считает намерения сторонников преобразований благом, даже если они грозят обернуться старому графу во вред: "При том желании реформ, которое овладело всеми во Франции, некоторые люди требуют ликвидировать лотереи и Mont de piété (ломбарды. - А.Ч.). Поскольку подобная ликвидация вполне вероятна и была бы весьма желательна для общественного блага, то, если она будет иметь место, не повлечет ли она частного зла для вас? (курсив мой. - А.Ч.)" [88]. В письме тому же адресату от 14(25) января Ромм на конкретных примерах показывал, сколь благотворно, по его мнению, влияет революция на общественную мораль [89].

Настроения же Павла Строганова, выраженные в письмах к отцу, составляли удивительный контраст с восторженным энтузиазмом Ромма. При несомненной симпатии к переменам в общественном устройстве Франции юноша смотрел на них доброжелательно, но все же с позиции стороннего наблюдателя, не ощущая себя участником происходившего и в какой-то степени даже испытывая от него душевный дискомфорт. Что у него вызывало действительно сильные переживания, так это трудности, с которыми тогда столкнулась Россия, - войны со Швецией и Турцией, угроза внутренних неурядиц. Лейтмотив корреспонденции П.А. Строганова зимой и весной 1790 г. - это повторявшееся из письма в письмо желание скорейшего прекращения раздиравших Европу войн и мятежей, установления гражданского согласия во Франции и замирения России с соседями. Так, в письме от 30 декабря 1789 г. (10 января 1790 г.) он сообщал: "Я желаю так же, как и вы, чтоб войны, существующия против моего отечества, скоро прекратились" [90]. Различия в восприятии Роммом и Строгановым окружающей действительности ярко проявились в их совместном письме от 14(25) января 1790 г. Если написанная Роммом и упомянутая выше часть этого послания целиком посвящена благотворному влиянию революции на нравы, то Павел, напротив, высказывал обеспокоенность возможными беспорядками в России:

"Я здесь слышал, что был великой бунт в Москве, но что его скоро утишили; великое несчастье бы было, чтоб к двум иностранным войнам присовокупились еще внутренние мятежи, но надобно чаять, что все несчастья не совокупятся вдруг оскорбить Россию; я бы весьма желал, чтоб новой год, в которой вошли и с коим я имею честь вас поздравить, был не столь мятежен, как прошедший, что предвещается по крайней мере для здешней земли, ибо хоть иногда и приключаются маленькия мятежи, то тотчас и утишаются, и теперь не токмо в Париже, но и в провинции все в мире" [91].

Не менее ярко характеризует умонастроение Павла и письмо от 28 января (8 февраля), где он восхищался действиями французского монарха по умиротворению общества и выражал тревогу из-за возможной болезни русской государыни:

"Здесь мир от часу больше утверждается и теперь основан не поколебимым образом чрез поступок короля его пришествием а l'assemblee nationale; от коих пор весь Париж в превеликой радости; везде поют молебны, даже и посреди площади Карузельской пели, и присягают всенародно законам и королю, как мужчины, так и женщины; в речи короля l'assemblee nationale приметили особливо сии слова: "ce bon peuple qui m'est si cher, et dont on me dit que je suis aime quand on veut me consoler de mes reines" ("этот добрый народ, который мне так дорог и которым, как говорят мне, когда хотят утешить меня в моих печалях, я любим". - А.Ч.). Но вы все это подробнее увидите в ведомостях. Я здесь слышал, что наша государыня больна, и, не знавши, ежели ето правда, вас покорно прошу не оставить меня в незнании о сем" [92].

К счастью, сведения о мятеже в России не подтвердились, и это известие дало Павлу Строганову еще один повод высказаться в письме от 12(23) марта в пользу внешнего и внутреннего мира:

"Мы получили вчерась от вас письмо, чрез которое вы нас уведомляете, что господин Демишель выехал уже из Петербурга; мы верно его увидим прежде пятнадцати дней. Я весьма рад был увидеть в вашем письме, что сказано ложно о смятении в Москве бывшем, это бы было великое нещастие, ежели б во время, когда мы имеем две войны на руках, еще б внутренней мятеж случился; говорят здесь, что теперь есть возмущение в Польше и что поляки переменяют некоторые части их constitution; а в немецкой земле смерть императора причиняет немало шуму, и так почти вся Европа в безпокойстве, а мы здесь в превеликом мире" [93].

Думаю, нет оснований полагать, что в письмах отцу молодой Строганов был неискренен. Это Ромму, который опасался неодобрения старым графом своих методов "гражданского воспитания" его сына, приходилось проявлять осторожность. В письмах в Петербург Ромм по возможности обходил молчанием острые темы политики, но потом полностью отводил душу в посланиях римским друзьям. Павел же, кроме отца, не имел не только постоянных корреспондентов, но и по-настоящему близких людей, если не считать младшей сестры, еще совсем ребенка. С отцом он откровенно делился мыслями, чувствами и наиболее яркими впечатлениями. В отличие от Ромма у него не было оснований затушевывать в письмах к старому графу происходившее вокруг. Напротив, Павел старался максимально подробно рассказать об увиденном. Более того, не ограничиваясь этим, он высылал отцу десятки революционных изданий. В пользу предположения, что такая инициатива принадлежала, скорей всего, именно ему, а не учителю, как полагал Галанте-Гарроне [94], свидетельствует тот факт, что именно Павел сообщал в письмах отцу о таких посылках [95]. Ромм же - никогда. Да и большая часть сохранившегося в

личном архиве Ромма перечня отправлявшихся в одной из таких посылок книг составлена рукой Попо [96]. Учитывая столь высокий уровень откровенности в переписке между отцом и сыном, едва ли есть основания полагать, что младший Строганов кривил душой, заявляя в посланиях родителю о своем предпочтении мирного развития событий революционным и военным потрясениям.

Такое постоянство во мнениях свидетельствует об уже сложившейся и устойчивой основе мировоззрения юноши. Ее не смогло поколебать никакое влияние революционной среды, которое существенно усилилось с начала 1790 г. Регулярно посещая заседания Национального собрания, Ромм и его воспитанник стали одними из завсегдатаев трибуны, отведенной для зрителей. Эти люди настроены были в большинстве своем весьма радикально. Днями напролет они наблюдали за парламентскими прениями, всегда готовые возгласами одобрения поддержать ораторов "левой" и ошарашивать "правых". О царившей в их среде атмосфере экзальтации можно судить по зарисовке, сделанной Павлом Строгановым и сохранившейся в бумагах Ромма:

"11 февраля 1790 г. за полчаса или, по меньшей мере, за четверть часа до открытия заседания Национального собрания граждане, занимающие трибуну Фейянов, заметили четырех человек, одетых в неизвестную форму, которых депутат-кюре посадил в углу зала со стороны патриотов (слева. - А.Ч.). Все спрашивали друг друга, что это за форма, и кто-то ответил, что это четыре офицера национальной гвардии Ренна. Его слова тут же заставили вспомнить о патриотизме бретонцев и о той пользе, которую они принесли революции.

Трибуну охватило всеобщее ликование. Однако еще не было полной уверенности в том, что они из Бретани. Их спросили, и утвердительный ответ вызвал аплодисменты той части трибуны, которая могла их видеть. Граждане, занимавшие не столь удобные места, стали кричать, что тоже хотят их увидеть. Эти господа вышли на середину зала, и, когда вся трибуна смогла их рассмотреть, раздались всеобщие рукоплескания, перемежаемые криками: "Да здравствуют бретонцы! Да здравствует национальная гвардия Ренна!".

После того как аплодисменты два или три раза переходили в овацию, один из завсегдатаев трибуны потребовал тишины и объяснил, сколь сильно трибуна желала бы принять в свое лоно этих храбрых патриотов. Он потребовал потесниться так, чтобы в середине первого ряда образовались четыре места, которые можно было бы предложить этим господам. Предложение оказалось принято с энтузиазмом и готовностью, тем более удивительной, что все и так уже сидели крайне тесно. Места были тут же освобождены и предложены этим господам, они согласились, и несколько человек составили депутацию для их сопровождения. Они уселись под овацию трибуны и крики "Да здравствуют бретонцы! Да здравствует национальная гвардия Ренна!". Дабы сделать все наилучшим образом, рядом с ними поместили двух человек, постоянно посещающих заседания и

способных ответить на любые вопросы о Собрании, какие только могут у них возникнуть. В конце заседания эти господа попросили тишины и через одного из посаженных рядом с ними людей поблагодарили граждан на трибуне за проявленное к ним внимание. П. Очер, очевидец" [97].

Продолжительное общение с революционными энтузиастами из числа постоянных посетителей Национального собрания привело Ромма к идее создания политического клуба. 10 января 1790 г. он и еще несколько завсегдаев трибуны Фейянов основали "Общество друзей закона". Помимо самого Ромма, его племянника Ж.Б. Тайана и "гражданина Очера", в члены клуба вошли видный журналист Бернар Маре, ученый-естествоиспытатель Луи-Огюстен-Гийом Бок и еще около 20 их единомышленников. Наиболее же колоритной фигурой среди них, несомненно, была Теруань де Мерикур. Уроженка Люксембурга, красавица 26 лет, она прославилась своим активным участием в походе парижан на Версаль 5-6 октября 1789 г. В дальнейшем ее постоянно можно было встретить в кругу радикальных революционеров, в частности, на трибунах Национального собрания. Там-то она и познакомилась с Роммом и его учеником, предложив им создать политический клуб. Первые заседания "Друзей закона" проходили у нее дома. Ромм стал председателем Общества, Теруань де Мерикур - архивистом.

История этого клуба детально исследована Галанте-Гарроне, что избавляет нас от необходимости ее подробного изложения. Коснемся лишь деятельности в обществе Павла Строганова. В опубликованных итальянским историком протоколах "Друзей закона", охватывающих время с 10 января по 16 апреля 1790 г., гражданин Очер ни разу не встречается среди участников дискуссий. Да и вообще его имя упоминается лишь четырежды: 3 февраля он единогласно избран библиотекарем клуба; 21 февраля его полномочия в этом качестве подтверждены; на том же заседании и потом еще 24 февраля ему вместе с тремя другими членами поручено формальное задание - собрать сведения о кандидатах на вступление в общество [98]. Как видим, деятельность Строганова в рядах "Друзей закона" отнюдь не отличалась активностью; он выглядел на заседаниях молчаливым статистом. Зато Ромм был подлинной душой и лидером общества, одним из главных вдохновителей всех дискуссий.

И все же участие Павла в политическом клубе должно было производить на юношу большое впечатление. Всего годом ранее он по воле наставника жил в изоляции, ведя, в соответствии с учением Руссо, существование "простое и уединенное". Искусственно оттягивая адаптацию 17-летнего юноши к взрослой жизни, учитель ему "дозволял лишь те удовольствия, которые тот имел в детстве" [99]. Даже посещение провинциального театра в Клермон-Ферране, как заметила наблюдательная Миет Тайан, оказалось для молодого Строганова в диковинку: уберегая его от влияния света, учитель ранее избегал подобных зрелищ [100]. Теперь же, среди "Друзей закона", Павел мог держать себя на равных с людьми, которые были его намного старше, чувствовать себя одним из них. Возможно также, что именно в это время ему довелось познать еще одну сторону взрослой

жизни. Как сообщил де Виссак, Павел влюбился в Теруань де Мерикур и оказался связан с ней интимными отношениями: "Очер не смог устоять перед чарами этой распутной Юдифь, тем более опасной для русского юноши, что в любви она была холодна, в противоположность неистовству своих политических взглядов" [101]. Опираясь на богатый документальный материал, в дальнейшем частично утраченный, де Виссак не делал подстрочных ссылок, из-за чего сегодня трудно судить, на чем основано это утверждение.

Занятый политикой и революционным воспитанием ученика, Ромм, похоже, на какое-то время упустил из виду, что их новые занятия могут вызвать неодобрение не только старого графа, но и властей России, подданным которой был Павел Строганов. Небольшое происшествие 18 февраля, напомнившее Ромму об этом, явилось для него неприятной неожиданностью. В его записной книжке оно изложено так:

"У нас появился какой-то человек, искавший барона Строганова. Сам он представился инспектором полиции <...>. Он мне сказал, что 15 дней тому назад у г-на Монморена, министра иностранных дел, видел некоего господина, вернувшегося из России. Он расспрашивал о нашем пребывании во Франции, желая знать его сроки. <...> И наконец он сказал, что узнал о нашем месте жительства от г-на Машкова [102]. Он не спрашивал графа Строганова, а спросил г-на Ромма. Этот человек показался мне шпионом, и я заноту сюда для памяти подробности, подтверждающие такое подозрение" [103].

Встревоженный Ромм сообщил о случившемся отцу Павла, но и для того происшествие оказалось неприятным сюрпризом:

"Визит полицейского агента, - написал он 12 марта, - мне так же не понравился, как и Вам; не знаю, чему его и приписать. Впрочем. мой дорогой Ромм, я уверен, что Вы слишком осторожны, чтобы не предпринять после этого мер. Скоро наступит теплое время, и я полагаю, что Вы воспользуетесь им, дабы сделать несколько путешествий. Жду от Вас соответствующих известий. В нашей стране умы слишком возбуждены; вся Европа внимательно наблюдает за происходящим, и, уверяю Вас, ничего хорошего от этого не ждут" [104].

Более чем прозрачную рекомендацию А.С. Строганова покинуть Париж Ромм и не подумал выполнять. С конца мая он был занят организацией крупной политической акции - празднования первой годовщины клятвы в Зале для игры в мяч [105], которую принесли 20 июня 1789 г. депутаты Национального собрания, пообещав не расходиться, пока не примут конституцию. Разумеется, ни о каком отъезде для него не могло быть и речи.

Вместе с тем были предприняты некоторые шаги, чтобы успокоить старого графа. В корреспонденции ему ни Ромм, ни даже Павел больше ни словом не касались политики, зато оба вновь вспомнили о научных сюжетах, уже давно исчезнувших из их писем. Совместное послание учителя и ученика

А.С. Строганову от 21 мая (1 июня) посвящено встрече с де Мейсом [106], обладателем обширной коллекции рисунков минералов, а также произведенной накануне в Париже неудачной попытке запуска воздушного шара. А в последних строках Ромм даже мельком упомянул о якобы предстоявшей поездке в провинцию:

"Срок действия Вашего кредитного письма истек 13 апреля, то есть уже больше месяца тому назад. Я с нетерпением жду, когда Вы пришлете новое. Если Вы имели любезность сделать это сразу же, как только я Вас о том попросил, то я должен вскоре его получить, еще до того, как мы уедем в провинцию" [107].

По-видимому, несколько более определенно он высказывался на эту тему ранее, в письме, до нас не дошедшем. О том, что такое сообщение имело место, можно узнать из полученного 9-10 июня ответа А.С. Строганова, о коем известно из письма Павла от 13 июня:

"Милостивый государь и почтенной отец мой, мы получили около трех или четырех дней тому назад от вас письмо, в котором вы нам изъясняете удовольствие, что мы хотим маленькое путешествие предпринять, мы в самом деле думаем в июле месяце иттить в Руан" [108].

Похоже, Павел искренне верил в то, что они с наставником вскоре покинут Париж, как того требовал его отец. Однако во второй части этого послания, написанной Роммом, нет не только такой уверенности, но и вообще какой-либо определенности на сей счет. Напротив, выдвигался предлог, позволявший отсрочить расставание со столицей на неопределенно долгое время:

"Уже прошло примерно два с половиной месяца, как я попросил Вас обновить кредитное письмо. Срок действия последнего истек 13 апреля ст. ст. Я ничего не могу предпринять, пока не получу от Вас ответа на данный вопрос. В Париже у меня еще были бы некоторые ресурсы, где-либо в другом месте - нет" [109].

В действительности Ромм не был заинтересован в отъезде. Подготовка к выше упомянутому празднеству, занимавшая все его время, вступила в заключительную стадию. 19 июня Ромм во главе делегации из 20 членов "Общества Клятвы в Зале для игры в мяч", созданного для подготовки к празднику, представил в Национальное собрание мемориальную доску, которая должна была увековечить память о происшедшем год назад историческом событии. На другой день в Версале состоялось публичное открытие этой мемориальной доски, сопровождавшееся торжественными речами и массовым шествием по городу. Вечером под председательством Ромма состоялся банкет на 250 персон, включая таких видных деятелей революции, как А. Барнав, братья Шарль и Александр Ламетты, А. Дюпор, М. Робеспьер, Ж. Дантон. Очевидно, в праздничных мероприятиях участвовал и П. Строганов, поскольку его подпись среди других стояла под принятым по итогам торжеств и представленным 3 июля в Национальном собрании обращением "Общества клятвы в Зале для игры в мяч" [110].

Праздник 20 июня имел общенациональный резонанс и принес Ромму как главному организатору широкую известность. Тот ликовал, но уже 16 июля ему пришлось пережить жестокое огорчение. В этот день - о чем есть пометка в записной книжке Ромма [111] - пришло письмо А.С. Строганова от 10 июня, теперь уже не с советом, а с категоричным требованием покинуть Париж:

"Никогда, мой дорогой Ромм, мое доверие к Вам не уменьшалось, и не уменьшится; у меня есть слишком много оснований для него, и самая горячая признательность запечатлена в моем сердце. То, что я Вам писал относительно Вашего отъезда из Парижа, обусловлено обстоятельствами, коим я должен подчиниться; те же самые обстоятельства вынуждают меня вновь обратиться к Вам с этой просьбой самым настоятельным образом. Почему бы Вам не отправиться в путешествие и не пожить в Вене? <...> Ради Бога, мой дорогой друг, взвесьте хорошенько все, что я Вам говорю. Повторяю, у меня есть самые серьезные основания умолять Вас покинуть страну, в которой Вы находитесь. Прощайте, мой добрый друг" [112].

На какие обстоятельства намекал старый граф? Входящий в ближнее окружение Екатерины II, он видел, как обеспокоена императрица возможностью пагубного влияния революции на умы находившихся во Франции русских подданных. Об этой опасности ее предупреждал российский посланник в Париже граф И.М. Симолин в депеше от 3(14) мая 1790 г.: "Я могу с уверенностью сказать, что пребывание во Франции становится опасным для молодых людей других наций; умы их возбуждаются и проникаются принципами, которые могут причинить им вред при возвращении в отечество" [113]. Предостережение было услышано, и в депеше от 4 июня вице-канцлер И.А. Остерман известил Симолина о повелении государыни всем русским подданным "не медля покинуть эту страну" [114]. Очевидно, таким поворотом событий и объясняется настойчивость, с которой А.С. Строганов рекомендовал Ромму и Попо уехать в Австрию.

Письмо старшего Строганова, хотя и было отправлено чуть позже, нежели упомянутое распоряжение императрицы, попало к адресату значительно раньше. Лишь 27 (по ст. ст. 16) июля Симолин сообщил Остерману: "Я получил письмо, которое ваше сиятельство оказало честь мне написать 4-го прошедшего месяца, чтобы довести до моего сведения высокие намерения ее императорского величества по отношению к ее подданным, живущим во Франции с начала волнений, которые потрясают это королевство" [115]. И все же отец Павла опоздал со своим предупреждением: его сын уже попал под подозрение. В той же депеше Симолин докладывал в Петербург:

"Меня уверяли, что в Париже был, а может быть, находится и теперь молодой граф Строганов, которого я никогда не видел и который не познакомился ни с одним из соотечественников. Говорят, что он переменял имя, и наш священник, которого я просил во что бы то ни стало разыскать его, не смог этого сделать. Его воспитатель, должно быть, свел его с самыми

крайними бешеными из Национального собрания и Якобинского клуба, которому он, кажется, подарил библиотеку. Г-н Машков сможет дать вашему сиятельству некоторые сведения по этому поводу. Даже если бы мне удалось с ним познакомиться, я поколебался бы делать ему какие-либо внушения о выезде из этой страны, потому что его руководитель, гувернер или друг предал бы это гласности, чего я хочу избежать. Было бы удобнее, если бы его отец прислал ему самое строгое приказание выехать из Франции без малейшей задержки. Есть основания опасаться, что этот молодой человек почерпнул здесь принципы, не совместимые с теми, которых он должен придерживаться во всех других государствах и в своем отечестве и которые, следовательно, могут его сделать только несчастным" [116].

Из текста донесения Симолина видно, что к тому времени русское посольство в Париже уже пыталось вести наблюдение за молодым Строгановым. Об этом свидетельствуют и полученные из неназванного источника сведения о связях юного графа с революционерами, а также о соответствующем влиянии на него наставника, и задание священнику установить его местонахождение, и ссылка на имевшуюся у Машкова дополнительную информацию на сей счет. Машков выполнял в посольстве различного рода деликатные поручения секретного характера, в частности, связанные с разведкой [117]. На него же ссылался полицейский агент, чей визит 18 февраля так встревожил Ромма.

Таким образом, своим письмом А.С. Строганов лишь ненадолго предвосхитил то, что от него вскоре официально потребовали российские власти. Хотя он и выразил свою волю в форме просьбы, однако сделал это столь определенно, что лишил наставника сына всякой возможности и далее откладывать отъезд. Ромм был в ярости: во-первых, ему предстояло покинуть столицу как раз в то время, когда его революционная карьера обретала весьма многообещающие перспективы, во-вторых, безвозвратно рушился план революционного воспитания ученика. Письма Ромма тех дней выдают его сильнейшее раздражение. 17 июля он жаловался графине д'Арвиль, с которой много лет был связан дружескими отношениями:

"Хотят, чтобы я на нивах рабства заканчивал воспитание юноши, коему я хотел уготовить судьбу свободного человека. Неужели ради того, чтобы вырастить раба, куртизана, льстеца, я пожертвовал двенадцатью самыми лучшими годами своей жизни, общением с друзьями, пристрастиями и даже обязанностями, каковые мне было бы так сладко исполнять, живя рядом с матерью, столь мною любимой и обладающей всеми правами на мою заботу, которой я ее лишил, отправившись за границу?" [118].

Столь же откровенное недовольство сквозило и в его письме А.С. Строганову от 22 июля. Однако на сей раз Ромм предпочел умолчать о планах "воспитания свободного человека" и лишь излил обиду на якобы выраженное ему недоверие:

"Впервые за то время, что я имею честь состоять при Вашем сыне, Вы мне дали почувствовать огромную разницу между отцом и воспитателем. Своим письмом от 10 июня ст. ст. Вы сообщили мне свое решение, настолько

противоречащее плану, которому я следовал до сих пор и который Вы сами одобрили, что оно не может не повлечь за собой крушения всех надежд. Умения, каковые Ваш сын развивал с некоторым успехом, останутся абсолютно неполными, бесполезными, а то и опасными, не будучи доведены до необходимой зрелости, достичь которой позволят лишь время, наши путешествия по разным странам Европы, внимательное отношение и поддержка. Ваше доверие питало мою уверенность и служило мне утешением. Теперь же Вы меня его лишаете по соображениям, которые называете весомыми, но которые мне не сообщаете".

Если отвлечься от велеречивых жалоб на допущенную по отношению к нему несправедливость, то окажется, что в пространном послании Ромм так и не назвал никаких реальных причин, побуждавших его настаивать на дальнейшем пребывании во Франции, тем более что он как бы и не отрицал необходимости посещения других стран для продолжения учебы воспитанника.

В действительности же Ромм не хотел покидать Париж лишь потому, что намеревался и далее участвовать в революции. Ни о каких учебных занятиях с Поло давно уже не было и речи. Признаться во всем этом старшему Строганову он не мог, а потому вынужден был отделяться туманными намеками и недомолвками:

"Если бы Вы мне сообщили имя человека, побудившего Вас к столь неожиданному решению, я бы ему охотно разъяснил, как это делал Вам и как всегда был готов делать, мотивы нашего пребывания во Франции, мои взгляды, надежды и опасения относительно исполняемых мною функций. Результатом разумной дискуссии могли бы стать меры, более устраивающие всех, а для нас с Вашим сыном - и большая определенность. Но предоставленный сам себе, я считал своей обязанностью использовать при осуществлении моего плана сначала те ресурсы, что нам предоставляет Франция, и лишь затем отправиться в Германию, Голландию и Англию за другими знаниями, которые можно успешно усвоить, лишь приблизившись к их источнику; надлежащие условия и время должны были обеспечить изучение ряда запланированных мною предметов, но Ваше письмо заставило меня впервые проникнуться недоверием к себе самому".

Вынужденный подчиниться воле старшего Строганова и покинуть Париж, Ромм, однако, не поехал с учеником в Вену, а сообщил, что будет в Жимо "дождаться окончательного решения" старого графа [119].

И вот, когда стало ясно, что их скорый отъезд из столицы неминуем, тогда-то и произошло событие, которое многие историки считают кульминацией пребывания Павла Строганова в революционной Франции, а именно - вступление "гражданина Очера" в Якобинский клуб. Согласно сохранившемуся в бумагах Ромма сертификату общества, это произошло 7 августа [120]. А уже 10 августа департамент полиции Парижского муниципалитета выписал путешественникам паспорт для следования в Риом [121]. Спустя еще три дня они отправилась в путь [122]. Таким образом, Павел Строганов реально состоял членом Якобинского клуба менее недели и

в этом качестве мог посетить лишь одно-два заседания. Какой же тогда был смысл ему вообще записываться в якобинцы?

При полном отсутствии какой-либо практической значимости этого шага Ромм, очевидно, придавал ему прежде всего символическое значение. С одной стороны, этот акт становился логическим завершением курса "политического воспитания" юноши, осуществлявшегося наставником в течение предыдущего года, своего рода инициацией, посвящением в "свободные люди". С другой стороны, Ромм тем самым как бы мстил А.С. Строганову за свои рухнувшие планы, самым грубым образом нарушая волю старого графа. Это предположение подтверждается тем, что запись Павла в Якобинский клуб произошла именно после того, как было получено письмо его отца с требованием покинуть Францию. Ранее Ромм с воспитанником не раз посещали заседания якобинцев в качестве зрителей [123], но лишь теперь, накануне отъезда, было принято решение о вступлении Очера в клуб. По мнению Галанте-Гарроне, сделать это ранее не позволял юный возраст Павла. Однако 18 лет тому исполнилось еще в июне, и тем не менее до начала августа вопрос о вступлении в клуб перед ним не стоял.

В завершение своего пребывания в столице Ромм и его ученик посетили 9 августа Эрменонвиль, где поклонились могиле Руссо, а четыре дня спустя отправились в Овернь. Судя по их письму от 19(30) августа 1790 г., отправленному уже из Жимо, они покидали столицу с разным настроением.

Тон Павла спокоен и даже жизнерадостен: "Вышедши из Парижа августа второго дня (по старому стилю. - А.Ч.), мы довольно счастливо сделали наш путь пешком и прибыли сюда 16-го дня <...>. Пришли сюда все здоровы и мало уставшие. Мы намерены здесь остановиться, потому что будет спокойнее, нежели в Риоме, которой только за полторы lieue (лье. - А.Ч.) отсюда" [124].

Напротив, Ромм почти не скрывал раздражения и писал едва ли не вызывающе, подчеркнуто демонстрируя, что никоим образом не разделяет негативного отношения старого графа к происходящему во Франции: "Верные своему намерению, о котором мы известили Вас в своем последнем письме, мы покинули Париж. Мы прервали все полезные отношения, которые связывали бы нас в столь сложной ситуации с теми событиями, что стали для истории величайшим чудом, а для правителей - величайшим уроком" [125].

Возможно, отказавшись от поездки в Вену и избрав местом временного пребывания Жимо, Ромм еще надеялся, что отец его воспитанника переменит решение и позволит им остаться во Франции. Так, 5(16) сентября он писал старшему Строганову: "Я узнал, что князь Голицын с сыновьями заняли оставленную нами квартиру. Мне сказали, что он собирается незамедлительно ехать в Россию, оставив, однако, сыновей в Париже. Подобное решение со стороны русского делает еще более загадочным то, которое вы приняли в отношении своего сына" [126].

Но от старого графа уже мало что зависело. Упомянутая выше депеша Симолина от 16(27) июля с известием о "неподобающем" поведении Павла Строганова достигла Петербурга 24 августа (н.ст.) и вызвала высочайший гнев. Екатерина II приложила к ней следующую резолюцию:

"Читая вчерашние реляции Симолина из Парижа, полученные через Вену, о российских подданных, за нужное нахожу сказать, чтоб оные непременно читаны были в Совете сего дня и чтоб графу Брюсу поручено было сказать графу Строганову, что учитель его сына Ром сего человека молодого, ему порученного, вводит в клуб Жакобенов и Пропаганда (sic), учрежденный для взбунтования везде народов противу власти и властей, и чтоб он, Строганов, сына своего из таких зловерных рук высвободил, ибо он, граф Брюс, того Рома в Петербург не впустит. Приложите сей лист к реляции Симолина, дабы ведали в Совете мое мнение" [127].

О том, что случившемуся с младшим Строгановым императрица придавала весьма серьезное значение, свидетельствует и запись от 26 августа в дневнике ее кабинет-секретаря А.В. Храповицкого: "Повеление к Симолину, чтоб в Париже всем русским объявили приказание о скорейшем возвращении в отечество. Там сын гр. Ал[ександра] Сер[геевича] Строганова с учителем своим вошли в члены клуба Жакобинов de Propagand Libertate (пропаганды свободы. - А. Ч.)" [128].

Из Франции же и далее продолжали поступать компрометирующие Павла Строганова сообщения. 11 сентября пришла депеша Симолина от 14(25) августа, в которой посланник, отвечая на запрос из Петербурга о возможном участии русских в манифестации "представителей народов мира" (в действительности это были просто ряженые) перед Национальным собранием, докладывал:

"Я склонен думать, что все русские, живущие в Париже, воздержались от участия в такой сумасбродной затее. Единственно, на кого может пасть подозрение, это на молодого графа Строганова, которым руководит гувернер с чрезвычайно экзальтированной головой. Меня уверяли, что оба они приняты в члены Якобинского клуба и проводят там все вечера. Ментор молодого человека, по имени Ромм, заставил его переменить свое имя, и вместо Строганова он называется теперь г. Очер; покинув дом в Сен-Жерменском предместье, в котором они жили, они запретили говорить, куда они переехали, и сообщать имя, которое себе присвоил этот молодой человек. Я усилил свои розыски и узнал через священника нашей посольской церкви, что они отправились две недели тому назад пешком, в матросском платье, в Риом, в Оверни, где они рассчитывают остаться надолго и куда им недавно были отвезены их вещи" [129].

Участь Павла Строганова была решена. 21 сентября его отец написал Ромму:

"Любезный Ромм, я давно противился той грозе, которая на днях разразилась. Сколько раз, опасаясь ее, я просил Вас уехать из Парижа и еще недавно совсем выехать из пределов Франции. Право, я не мог яснее выразиться. Вас не довольно знают, милый Ромм, и не отдают полной

справедливости чистоте Ваших намерений. Признано крайне опасным оставлять за границей и, главное, в стране, обуреваемой безначалием, молодого человека, в сердце которого могут укорениться принципы, не совместимые с уважением к властям его родины. Полагают, что и Вы, по увлечению, не станете его оберегать от этих начал. Говорят, что вы оба состоите членами Якобинского клуба, именуемого клубом Пропанды, или Бешеных. Распространенным слухам и общему негодованию я противопоставлял мое доверие к Вашей честности. Но, как я уже выше говорил, буря, наконец, разыгралась, и я обязан отозвать своего сына, лишив его почтенного наставника в то самое время, когда сын мой больше всего нуждается в его советах. С этой целью я посылаю моего племянника Новосильцева" [130].

Пока Ромм не узнал - это произошло лишь два месяца спустя - о неблагоприятном для себя решении, он все еще питал надежду переубедить старого графа и остаться с воспитанником во Франции. 4 ноября Ромм писал А.С. Строганову: "Ваше молчание тем более огорчительно для меня, господин Граф, что своим предыдущим письмом Вы повергли нас в полнейшую неопределенность относительно наших дальнейших действий. Я ответил Вам 10 августа, объяснив мотивы, по коим я не принял или, по меньшей мере, принял не целиком то сопряженное с большими неудобствами предложение, которое Вы нам сделали и с которым я лично не мог согласиться, не встревожив моих родных, моих друзей, и не повредив образопанию и будущему Вашего сына" [131].

И на сей раз, объясняя свое нежелание покинуть Францию заботой о дальнейшем образовании Поло, Ромм был не вполне искренен. Точнее было бы вести речь о "политическом образовании". Оно активно продолжалось и в Жимо. Учебные же предметы, как и в Париже, оказались почти полностью заброшены.

Ценным источником сведений о жизни Ромма и его воспитанника и Оверни осенью 1790 г. служат письма Миет Тайан. Сообщив в конце августа кузине о прибытии в Жимо дяди Жильбера, который "поддерживает народное дело", Миет продолжала:

"Г-н Граф разделяет взгляды своего гувернера. Юность любит перемены. Я, как и эти господа, с головой ушла в революцию. Мы читаем вместе нее газеты и говорим только о государственных делах. Бабушка (мать Ромма. - А.Ч.) смеется над нами. Она ничего не понимает в политике и высмеивает все, что мы і спорим. Санкюлотская мода дает ей широкий простор для критики. Я согласна с тем, что эта мода не слишком впечатляюща. Она придает простецкий вид всем и, особенно г-ну Ромму. Его невозможно узнать после того, как он отказался от пудры и облачился в куртку и брюки. В этом костюме он весьма напоминает сапожника с угла улицы. Однако его принципы облагораживают его больше, чем хорошая одежда. Тот, кто любит роскошь, любит и привилегии, а привилегии составляют несчастье народов. Равенство - естественное право. В основе общественного устройства лежат различия между людьми, которые не

должны существовать. Законы не могут быть более благосклонны к одним за счет других. Мы все - братья и должны жить одной семьей. Дворяне, считающие себя иными существами, нежели крестьяне, никогда не примут подобную систему. У них в голове слишком много предрассудков, чтобы услышать голос разума. Они негодуют на философов, просветивших народ. Сеньоры, столь досаждавшие до революции г-ну Ромму своими знаками внимания, теперь даже не пришли к нему с визитом" [132].

Очевидно, эти же принципы Ромм прививал и своему воспитаннику. Наставник Павла не ограничивался беседами на политические темы в семейном кругу, он вел активную революционную пропаганду и среди местных крестьян. В АВПРИ хранятся два доноса на Ромма, поданные российскому посланнику в Париже правым депутатом Национального собрания Гильерми и переправленные Симолиным в Россию вместе с депешами от 24 сентября (5 октября) и 18(29) октября 1790 г. Ссылаясь на своего родственника, земляка Ромма, Гильерми рассказывал о том, что наставник юного Строганова устраивает для жителей Жимо "архипатриотические проповеди", публично порицает священника, возносившего молитвы за короля, убеждает слушателей, что вся власть "принадлежит Национальному собранию и только оно заслуживает их почтения и признательности" [133].

По словам Гильерми, Ромм учил крестьян: "Все, что им (крестьянам. - А.Ч.) говорилось о религии, является сплошным вздором, что их держали в сетях фанатизма и деспотизма, что они обязаны платить налоги, установленные Национальным собранием" [134]. Свою главную задачу автор доносов видел в том, чтобы предостеречь российское правительство об опасных последствиях того воспитания, которое молодой Строганов получал от своего наставника:

"Этот г-н Ромм связан с современными философами, мало религиозными и весьма революционными, он воспринял их систему с жаром, приближающимся к безумию; он вдалбливает ее в разум и сердце своего ученика и хочет убедить его в том, что наивысшую славу тот обретет, произведя революцию в России. Это, действительно, может сделать его знаменитым, но такую систему его родные, возможно, не разделяют, а ее применение на практике, вероятно, никому не придется по душе" [135].

Политические разговоры, очевидно, действительно имели место. Об этом косвенно свидетельствует письмо М. Тайан Ромму после отъезда Павла в Россию. Стараясь смягчить учителю горечь разлуки с учеником, Миет рисовала перспективу, которая, как ей, очевидно, представлялось из бесед с дядей, была бы для того наиболее утешительна:

"Я убеждена, что он (Попо. - А. Ч.) никогда бы Вас не покинул, если бы не приказ императрицы, коему он подчинился, ропща на варваров, вырвавших его из Ваших объятий. Этой тирании граф отомстит. Он распространит среди поработанного народа тот свет, который познал в Вашей школе, он принесет с собою в эти дикие края семя той свободы, что должна обойти весь мир. Ожидая, пока Ваши мудрые советы принесут свои

плоды (курсив мой. - А.Ч.), Попо придется много пострадать, ведь он возвращается к себе в страну с идеями, которые сделают его врагом правящих там тиранов" [136].

В какой степени были оправданны подобные надежды? Выше мы уже не раз приводили свидетельства того, что Павел Строганов с симпатией относился к идеям Французской революции. Но означает ли это, что Ромм сумел превратить своего ученика в "деятельного" революционера, в "первого русского якобинца" не по форме, а по убеждению? [137]

Для такого вывода у нас оснований нет. Якобинизм русского графа - парадокс, оказавшийся столь привлекательным для литераторов, - в действительности лишь красивая романтическая легенда. Последние месяцы пребывания "гражданина Очера" во Франции лишней раз подтверждают это. Если Ромм в Оверни с головой был занят политикой в качестве революционного агитатора, а с ноября - и как член муниципалитета Жимо, то его подопечный и здесь, как ранее в Париже, лишь наблюдал за революцией, пусть даже с несомненной симпатией к ее принципам, но совершенно пассивно, не проявляя ни малейшего стремления принять в ней участие.

Загруженность же Ромма общественными делами позволяла Попо больше времени уделять своей личной жизни. Письмо М. Тайан конца сентября 1790 г. показывает, сколь разные интересы определяли поведение учителя и ученика:

"Ты знаешь, моя дорогая подруга, заговорили о том, чтобы избрать г-на Ромма депутатом. Такой выбор сделал бы честь патриотам. Народ получил бы в его лице ревностного защитника. В ожидании того времени, когда его голос зазвучит с трибуны, он пользуется им для просвещения сограждан. Каждое воскресенье он собирает вокруг себя множество крестьян, которым читает газеты и объясняет новые законы. Я присутствовала на нескольких таких встречах и была удивлена тишиной, в коей они проходят, и вниманием, с которым его слушают. Священники и дворяне высмеивают эти собрания. Они приписывают г-ну Ромму такие амбиции, каковых у него в действительности нет. Они не верят, что он творит добро ради самого добра.

Г-н Граф, пока его гувернер разглагольствует перед обитателями Жимо, пользуется моментом, чтобы развлекаться с юными селянками. Маблот мне говорила, что он обнимает и целует ее всякий раз, как они остаются наедине. Он не осмеливается на подобную вольность со мной, но смотрит на меня такими глазами, что мне становится страшно. Он очень изменился со времени предыдущего приезда. Теперь это уже не ребенок, с которым можно играть, не опасаясь последствий" [138].

Корреспонденция М. Тайан позволяет также по-иному, нежели это было сделано в ряде исследований, осветить историю с похоронами швейцарца Клемана, служившего у Строганова. Вот как интерпретировал этот эпизод великий князь Николай Михайлович:

"Преданный слуга молодого графа, Клеман, серьезно заболел и умер. Верного спутника многих лет не стало. Ромм не допустил к ложу умирающего священника, и Клеман скончался без утешения религии. Даже

похороны были гражданские. Слугу похоронили в саду Роммовского домика <...>. Весть об этих похоронах проникла в Париж, а оттуда дошла и до России. Конечно, это овернское "событие" вызвало в Петербурге больше удивления, чем негодования. Подпись русского графа, вместе с его псевдонимом, была обнаружена, а доверие графа А.С. Строганова к гувернеру его сына окончательно поколеблено" [139].

Де Виссак также придал гражданским похоронам Клемана характер антирелигиозной демонстрации [140]. В действительности же, как можно понять из писем М. Тайан, дело обстояло гораздо проще. Уроженец Женевы, Клеман принадлежал к протестантскому вероисповеданию, из-за чего местный кюре и не разрешил похоронить его на католическом кладбище. Ну, а поскольку протестантских кладбищ в окрестностях не было, Ромм и Строганов приняли решение устроить погребение в саду, напротив дома матери Ромма [141]. До сих пор в муниципалитете Жимо хранится книга записей за 1790-1791 гг., где зафиксировано официальное разрешение властей на захоронение покойного таким образом. Акт скреплен подписями мэра, муниципальных должностных лиц, местных нотаблей, а также Ж. Ромма, "Поля Очера", А. Воронихина, Дюбреля, Ж.Б. Тайана, всего 20 человек [142]. Тем самым организаторы похорон постарались придать церемонии максимально легальный характер, дабы, насколько это возможно, компенсировать вынужденное отступление от ее традиционного порядка. Иначе говоря, о какой-либо антирелигиозной демонстрации не было и речи.

Существовала, однако, и такая область политики, к которой юный Строганов неизменно сохранял самый живой интерес. Его письма к отцу показывают, что и в Оверни, как прежде в Париже, он жадно ловил вести о международных делах России и прежде всего о ее войнах с Турцией и Швецией. Так, 5(16) сентября он писал: "Я узнал с превеликою радостью, что Россия помирилась с Швециею, и весьма желаю, чтобы она также помирилась с турками" [143]. А вот строки из его послания от 4 ноября (н. ст.):

"Я читал здесь в ведомостях, что было в Петербурге великое празднество на случай мира, заключенного со Швециею, и всегда с удовольствием слушаю, что радуются для одно (sic) примирения. Я его больше люблю, нежели радования, которых иногда делают для одной победы, в которой по большей части побеждающий теряет столько же, сколько и побежденный. Я слышал также, что помирились с турками, что весьма желательно" [144].

В начале ноября, после трех месяцев отсутствия вестей из России относительно будущей судьбы юного Строганова, до Риома дошли первые отголоски реакции российских властей на действия Ромма и его ученика. Эти тревожные новости поступили из Страсбурга от Демишеля, который остался там жить после возвращения из Петербурга. 27 октября он сообщил Ромму, что встретил знакомого гувернера, получившего накануне из России письмо от друга, где говорилось следующее:

"Один француз, имя которого я забыл и который путешествовал с молодым графом Строгановым, был здесь всеми уважаем, но теперь его весьма порицают за поступок, предпринять каковой он заставил своего ученика, а именно - подписать вместе с другими русскими обращение к Национальному собранию, дабы получить место на трибунах в день праздника национальной федерации. Говорят даже, что, если слухи подтвердятся, молодой граф не сможет вернуться в Россию: сей шаг вызвал крайнее недовольство Двора" [145].

Это предостережение Демишеля побудило Павла Строганова ответить ему пространным письмом со своего рода программным изложением своих политических взглядов. Этот документ был полностью опубликован великим князем Николаем Михайловичем [146]. Послание обильно насыщено риторикой, характерной для революционной эпохи, в чем, несомненно, сказалось влияние той среды, в которой юноша вращался на протяжении предыдущих полутора лет. Тут и гневные тирады против "деспотизма", и прославление "народа, поднявшего знамя свободы". И все же ключевой для характеристики его воззрений в целом является следующая фраза:

"В письме, которое я с частной оказией отправил отцу и где соответственно мог ему открыться, я сообщил, как я восхищаюсь Революцией, но в то же время дал ему знать, что полагаю подобную революцию непригодной для России" (курсив мой. - А.Ч.).

12 ноября в Страсбург прибыл Новосильцев, о чем Демишель двумя днями позже известил Ромма, как и о предрешином отъезде Павла Строганова в Россию [147]. Получив эту весть, Ромм и его подопечный направились в Париж навстречу Новосильцеву. Расставание стало нелегким испытанием и для учителя, и для ученика. Хотя их отношения складывались порой весьма непросто, все же за те 12 лет, что воспитатель и воспитанник провели бок о бок, они крепко привязались друг к другу. Однако Павел не мог допустить и мысли о том, чтобы, оставшись, нарушить свой сыновний и гражданский долг. В начале декабря, уже на пути в Россию, он написал отцу из Страсбурга:

"Я получил ваше письмо, и не без печали в нем читал, что мне надобно разстаться с господином Ромом после двенадцатилетнего сожития, но сие повеление, сколь ни тягостно для меня, вы не должны сомневаться о моем повиновении и будьте уверены, что все пожертвую, когда надо будет исполнить ваши повеления" [148].

И Ромм поддержал воспитанника в этой решимости. В первых числах декабря Новосильцев и младший Строганов покинули Париж. Пока путешественники добивались до границы, Павел и оставшийся в Париже Ромм еще продолжали обмениваться письмами [149]. Однако их дороги уже разошлись навсегда.

Отколе Телемак к нам юный вновь явился
Прекрасен столько же и взором и душой?
Я зрю уже, что ток слез радостных пролился,

Из нежных отческих Улиссовых очей!
Се юный Строганов, полсвета обозревший,
В дом ныне отческий к восторгу всех пришел;
Граф юный, трудности путей своих презревший,
Родителя в дому во здравии обрел.
А что же Мантор с ним уже более не зрится?
Как Фенелонова Минерва он исчез,
Так баснь сия во яве совершится,
Он Телемаковых достоин будет слез [150].

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Исследовательский грант 98-01-00089.

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: Герцен А.И. Доктор, умирающий и мертвые. - Герцен А.И. Собр. соч. в 30 т., т. 20, кн. 2. М., 1960, с. 520-555; Тынянов Ю.Н. Гражданин Очер. - Прометей, вып. 1. М., 1966; Алданов М. Юность Павла Строганова. - Алданов М. Очерки. М., 1995.
2. Подробный анализ историографии темы см.: Чудинов А.В. "Русский принц" и француз-"цареубийца" (История необычного союза в документах, исследованиях и художественной литературе). - Исторические этюды о Французской революции. Памяти В.М. Далина (К 95-летию со дня рождения). М., 1998.
3. Подробнее см.: Tchoudinov A.V. Les papiers de Gilbert Romme aux archives russes. - Gilbert Romme (1750-1795). Actes du colloque de Riom (19 et 20 mai 1995). Paris, 1996, p. 79-87; idem. Annales historiques de la Revolution francaise, 1996, No 304, p. 257-265.
4. Vissac M.de. Romme ie Montagnard. Clermont-Ferrand, 1883.
5. Николай Михайлович, вел. кн. Граф Павел Александрович Строганов, т. 1-3. СПб., 1903.
6. Galante Garrone A. Gilbert Romme. Storia di un rivoluzionario. Torino, 1959; idem. Gilbert Romme. Histoire d'un revolutionnaire (1750-1795). Paris, 1971.
7. Далин В.М. Жильбер Ромм, Павел Строганов и Санкт-Петербургский двор. - Вопросы истории, 1966, No 6, с. 207-213; его же. Первый русский якобинец. - его же. Люди и идеи. М., 1970, с. 9-21; Daline V.M. Gilbert Romme, Pavel Stroganov et la Cour de Saint-Petersbourg. A propos du retour de Stroganov et Russie. - Gilbert Romme (1750-1795) et son temps. Actes du Colloque tenu u Riom et Clermont (10-11 juin 1965). Paris, 1966, p. 69-80; idem. Le premier jacobin russe. - idem. Hommes et idees. Moscou, 1983, p. 7-21.
8. Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч., т. 1, с. 61.
9. Museo del Risorgimento di Milano (далее - MRM), Romme MSS, carton I, d. 19.
10. Galante Garrone A. Gilbert Romme. Histoire d'un revolutionnaire, p. 149.

11. Российский государственный архив древних актов (далее - РГАДА), ф. 1278 Строгановы, он. 1, д. 348, л. 112. Здесь и далее письма П.А. Строганова на русском языке публикуются с сохранением орфографии оригинала, проставлена лишь пунктуация, отсутствующая в изначальном тексте. Послания, написанные на французском, даны в переводе.
12. Bouscayrol R. *Les lettres de Miette Tailhand-Romme*. Clermont-Ferrand, 1979, p. 28. Пользуясь случаем, благодарю семью покойного Р. Бускейроля, предоставившую в мое распоряжение это редкое издание.
13. РГАДА, ф. 1278 Строгановы, оп. 1, д. 348, л. 1 13-1 1306.
14. Там же, л. 114, 116. См., например, письма Ромма А.С. Строганову от 20 июня, 20 июля и др.
15. Bouscayrol R. *Op. cit.*, p. 31-32.
16. *Ibid.*, p. 32.
17. *Ibid.*, p. 38-39.
18. РГАДА, ф. 1278 Строгановы, оп. 1, д. 345, л. 2. 19. Там же. д. 348, л. 113-113об. П.А.Строганов - А.С. Строганову, 3(14) июня 1788 г.
20. Там же, л. 115.
21. Там же, л. 25. П.А. Строганов - А.С. Строганову, 5 октября 1785 г.
22. Там же, л. 277об. Ж. Ромм - А.С. Строганову, 5(16) апреля 1787 г.
23. Раткевич К.И. К биографии Жильбера Ромма. (Его рукописное наследство в архивах СССР). - Ученые записки Ленинградского государственного университета. Л., 1940, № 52. Серия исторические науки, вып. 6, с. 265. Ср.: "Его моральное влияние на Строганова было огромным". - Далин В.М. Первый русский якобинец, с. 10.
24. MRM. Romme MSS, carton 1, d. 11.
25. Руссо Ж.Ж. Эмиль, или о воспитании. - Руссо Ж.Ж. Педагогические сочинения. М., 1981, с. 30.
26. Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч., т. 1, с. 49-51.
27. Там же, с. 258.
28. РГАДА, ф. 1278 Строгановы, оп. 1, д. 348, л. 107-107об. П.А. Строганов - А.С. Строганову, 23 февраля (5 марта) 1788 г. См. также: Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч., т. 1, с. 353.
29. РГАДА. ф. 1278 Строгановы, оп. 1, д. 348, л. 10806. - 109. П.А. Строганов и Ж. Ромм - А.С. Строганову. 8(19) марта 1788 г. 30. Bouscayrol R. *Op. cit.*, p. 36-37.
31. *Ibid.*, p. 35-36.
32. РГАДА, ф. 1278 Строгановы, оп. 1, д. 348, л. 117.
33. Bouscayrol R. *Op. cit.*, p. 43.
34. MRM. Romme MSS, carton 1, d. 19. См. также: Gulante Garrone A. Gilbert Romme. *Histoire d'un revolutionnaire*. p. 149.
35. РГАДА, ф. 1278 Строгановы, оп. 1, д. 348, л. 118.
36. MRM. Romme MSS, carton 2, d. 48.
37. РГАДА. ф. 1278 Строгановы, оп. 1, д. 348, л. 119.
38. MRM. Romme MSS, carton I, d. 29.

39. См. Ibidem.; Galante Garrone A. Gilbert Romme. Histoire d'un revolutionnaire, p. 156.
40. РГАДА, ф. 1278 Строгановы, оп. 1, д. 348, л. 120-120 об. Оригинал по-французски.
41. Там же, л. 122-122об.
42. Далин В.М. Первый русский якобинец, с. 9.
43. Galante Garrone A. Gilbert Romme. Histoire d'un revolutionnaire, p. 157 (ср. p. 162).
44. РГАДА, ф. 1278 Строгановы, оп. 1, д. 348, л. 124.
45. Там же, л. 299-299об.
46. Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч., т. 1, с. 63.
47. Там же, с. 64.
48. Galante Garrone A. Gilbert Romme. Histoire d'un revolutionnaire, p. 155.
49. Ibid., p. 157.
50. Далин В.М. Первый русский якобинец, с. 10.
51. РГАДА, ф. 1278 Строгановы, оп. 1, д. 348, л. 125.
52. Там же, л. 301-302. Полный русский перевод текста письма см.: Чудинов А.В. Ж. Ромм и П. Строганов в революционном Париже (1789-1790 гг.). - Россия и Франция XVIII-XX вв., вып. 2. М., 1998, с. 56-58.
53. MRM. Romme MSS, carton 1, d. 19.
54. РГАДА, ф. 1278 Строгановы, оп. 1, д. 348, л. 119.
55. MRM. Romme MSS, carton 2, d. 36. См. также: Galante Garrone A. Gilbert Romme. Histoire d'un revolutionnaire, p. 162.
56. РГАДА, ф. 1278 Строгановы, оп. 1, д. 348, л. 126.
57. Там же, л. 128. См. также: Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч., т. 1, с. 354. Подробнее о швейцарских связях Ж. Ромма и П.А.Строганова см.: Tchoudinov A. Les voyages de Gilbert Romme et Pavel Stroganov en Suisse (1786-1788) d' apres les archives russes. - Les conditions de la vie culturelle et intellectuelle en Suisse romande au temps des Lumieres. Annales Benjamin Constant, v. 18-19. Lausanne, 1996.
58. См. Galante Garrone A. Gilbert Romme. Histoire d'un revolutionnaire, p. 162-167.
59. РГАДА, ф. 1278 Строгановы, оп. 1, д. 348, л. 128.
60. Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч., т. 1, с. 273-275.
61. Galante Garrone A. Gilbert Romme. Histoire d'un revolutionnaire, p. 162.
62. "Барон и г-н Демишель уехали 12 числа сего месяца, 18-го я узнал от Демишеля, что они благополучно прибыли в Страсбург и находятся в добром здравии". - РГАДА, ф. 1278 Строгановы, оп. 1, д. 348, л. 304. Ж. Ромм - А.С. Строганову, 14(25) мая 1789 г.
63. Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч., т. 1, с. 274-275.
64. РГАДА, ф. 1278 Строгановы, оп. 1, д. 348, л. 130. См. также: Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч. т. 1, с. 355.
65. РГАДА, ф. 1278 Строгановы, оп. 1, д. 348, л. 305.
66. Там же, л. 307.

67. Там же, л. 131. См. также: Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч., т. 1, с. 356.
68. РГАДА, ф. 1278 Строгановы, оп. 1, д. 348, л. 131 об.
69. Там же, л. 133. См. также: Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч., т. 1, с. 356.
70. РГАДА, ф. 1278 Строгановы, оп. 1, д. 348, л. 308.
71. См. "Великий страх" в Оверни. Публ. К.И. Раткевич. - Красный архив, М., 1939, No 3(94), с. 255-259.
72. MRM. Romme MSS, carton 2, d. 36. См. также: Galante Garrone A. Gilbert Romme. Histoire d'un revolutionnaire, p. 167.
73. MRM. Romme MSS, carton I, d. 20. См. также: Galante Garrone A. Gilbert Romme. Histoire d'un revolutionnaire, p. 176-177.
74. РГАДА, ф. 1278 Строгановы, оп. 1, д. 348, л. 136. См. также: Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч., т. 1, с. 357.
75. РГАДА, ф. 1278 Строгановы, оп. 1, д. 348, л. 138. См. также: Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч., т. 1, с. 357.
76. РГАДА, ф. 1278 Строгановы, оп. 1, д. 348, л. 142.
77. Там же, л. 146.
78. Там же, л. 148-148об. Полностью опубликовано: Чудинов А.В. Ж. Ромм и П. Строганов в революционном Париже, с. 58-59.
79. РГАДА, ф. 1278 Строгановы, оп. 1, д. 348, л. 150.
80. Там же, л. 144об.
81. С таким же уважением Ромм отзывался о них и в письмах Дюбрелю. См. Galante Garrone A. Gilbert Romme. Histoire d'un revolutionnaire, p. 173.
82. РГАДА, ф. 1278 Строгановы, оп. 1, д. 348, л. 140-140об. См. также: Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч., т. 1, с. 358.
83. РГАДА, ф. 1278 Строгановы, оп. 1, д. 348, л. 123.
84. Там же, л. 134.
85. Там же, л. 308, 146об. См., например, письма от 24 июля (4 августа) и от 2(13) декабря 1789 г.
86. Ромм и ранее высказывал недовольство по поводу "чрезмерной" медлительности воспитанника, его склонности к созерцательности и долгим размышлениям. - Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч., т. 1, с. 323.
87. MRM. Romme MSS, carton 1, d. 20.
88. РГАДА, ф. 1278 Строгановы, оп. 1, д. 348, л. 135.
89. Там же, л. 152об. Полностью опубликовано: Чудинов А.В. Ж. Ромм и П. Строганов в революционном Париже, с. 60.
90. РГАДА, ф. 1278 Строгановы, оп. 1, д. 348, л. 150. 91. Там же, л. 152. См. также: Чудинов А.В. Ж. Ромм и П. Строганов в революционном Париже, с. 59-60.
92. РГАДА, ф. 1278 Строгановы, оп. 1, д. 348, л. 154. См. также: Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч., т. 1, с. 359.
93. РГАДА, ф. 1278 Строгановы, оп. 1, д. 348, л. 156. См. также: Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч., т. 1, с. 360.
94. Galante Garrone A. Gilbert Romme. Histoire d'un revolutionnaire, p. 236.

95. См. его письма от 24 июля (4 августа) ("мы вам зделаем, может быть, скоро одну посылку, в которой я вам много книжек пошлю о нынешних делах") и от 4(15) октября ("я при сем прилагаю явочное письмо о посылке, вам уже известной"). - РГАДА, ф. 1278 Строгановы, оп. 1, д. 348, л. 133-133 об., 140об. 96. См. MRM. Romme MSS, carton I, d. 5.
97. Ibidem. Оригинал по-французски.
98. Galante Garrone A. Gilbert Romme. Histoire d'un revolutionnaire, p. 462, 467, 469.
99. РГАДА, ф. 1278 Строгановы, оп. 1, д. 348, л. 301. Ж. Ромм - А.С. Строганову, 12(23) февраля 1789 г.: Чудинов А.В. Ж. Ромм и П. Строганов в революционном Париже, с. 56.
100. Bouscaurol R. Op. cit., p. 54.
101. Vissac M. de. Op. cit., p. 122.
102. А. Машков - секретарь российской дипломатической миссии в Париже. См. Желтикова С.О., Турилова С.Л. Состав российского дипломатического представительства во Франции в XVIII веке. - Россия и Франция XVIII-XX вв., вып. 3. М., 2000, с. 82, 87.
103. MRM. Romme MSS, carton 2, d. 36.
104. Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч., т. 1, с. 251.
105. Galante Garrone A. Gilbert Romme. Histoire d'un revolutionnaire, p. 225.
106. Записная книжка Ж. Ромма содержит указание: "Де-Мейс - художник по миниатюре" и его парижский адрес. - MRM. Romme MSS, carton 2, d. 38.
107. РГАДА, ф. 1278 Строгановы, оп. 1, д. 348. Полностью опубликовано: Чудинов А.В. Ж. Ромм и П. Строганов в революционном Париже, с. 61-62.
108. РГАДА, ф. 1278 Строгановы, оп. 1, д. 348, л. 160.
109. Там же, л. 161.
80. Там же, л. 144об.
81. С таким же уважением Ромм отзывался о них и в письмах Дюбрелю. См. Galante Garrone A. Gilbert Romme. Histoire d'un revolutionnaire, p. 173.
82. РГАДА, ф. 1278 Строгановы, оп. 1, д. 348, л. 140-140об. См. также: Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч., т. 1, с. 358.
83. РГАДА, ф. 1278 Строгановы, оп. 1, д. 348, л. 123.
84. Там же, л. 134.
110. Galante Garrone A. Gilbert Romme. Histoire d'un revolutionnaire, p. 227-234.
111. Ibid., p. 237 note 4; MRM. Romme MSS, carton 2, d. 38.
112. Государственный архив Российской Федерации (далее - ГАРФ), ф. 728, оп. 1, т. 1, д.312, л. 30-31. См. также: Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч., т. 1, с. 251-252.
113. Французская революция 1789 г. в донесениях русского посла в Париже И.М. Симолина. - Литературное наследство, т. 29/30. М., 1937, с. 430.
114. Архив внешней политики Российской империи (далее - АВПРИ), ф. Сношения России с Францией, оп. 93/6, д. 480, л. 50-50 об. См. также: Далин В.М. Первый русский якобинец, с. 10.

115. Французская революция 1789 г. в донесениях русского посла, с. 435.
116. Там же, с. 436.
117. См. Желтикова С.О., Турилова С.Л. Указ. соч., с. 82.
118. Цит. по: Galante Garrone A. Gilbert Romme. Histoire d'un revolutionnaire, p. 238.
119. См. Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч., т. 1, с. 275-278.
120. MRM. Romme MSS, carton I, d. 4.
121. Ibid., d.5.
122. См. цитируемое ниже письмо П.А. Строганова отцу от 19(30) августа 1790 г. В.М. Далин почему-то датировал уход Ромма и Строганова из Парижа "последними числами июля", хотя всего двумя страницами ранее сам же отметил, что Павел получил диплом члена Якобинского клуба 7 августа. - Далин В.М. Первый русский якобинец, с. 10-12.
123. Galante Garrone A. Gilbert Romme. Histoire d'un revolutionnaire, p. 235, note 1.
124. РГАДА, ф. 1278 Строгановы, оп. 1, д. 348, л. 162-162об.
125. Там же, л. 163.
126. Там же, л. 165.
127. Французская революция 1789 г. в донесениях русского посла, с. 437.
128. Дневник А.В. Храповицкого. М., 1901, с. 202.
129. Французская революция 1789 г. в донесениях русского посла, с. 441.
130. ГАРФ, ф. 728, оп. 1, т. 1, д. 312, л. 28-29, Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч., т. 1, с. 252-253. М. де Виссак, а вслед за ним П.И. Бартенев и В.М. Далин ошибочно датировали это письмо 21 ноября. См.: Vissac M. de. Op. cit., p. 133-134; Бартенев П.И. Жильбер Ромм (1750-1795). К истории русской образованности нового времени. - Русский архив, 1887, No 1, с. 26; Далин В.М. Первый русский якобинец, с. 15.
131. РГАДА, ф. 1278 Строгановы, оп. 1, д. 348, л. 169.
132. Bouscaurol R. Op. cit., p. 108.
133. АВПРИ, ф. Сношения России с Францией, оп. 93/6, д. 479, л. 205-208об. Цит. по: Daline V.M. Le premier jacobin russe, p. 12; см. также: Далин В.М. Первый русский якобинец, с. 13-14.
134. АВПРИ, ф. Сношения России с Францией, оп. 93/6, д. 479, л. 321-322. Цит. по: Daline V.M. Le premier jacobin russe, p. 15.
135. Цит. по: Daline V.M. Le premier jacobin russe, p. 15.
136. Bouscaurol R. Op. cit., p. 113.
137. Ср.: Далин В.М. Первый русский якобинец, с. 10, 17, 21.
138. Bouscaurol R. Op. cit., p. 1 10.
139. Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч., т. 1, с. 73-75.
140. Vissac M.de. Op. cit., p. 132-133.
141. Bouscaurol R. Op. cit., p. 111-112.
142. Municipality de Gimeaux. Registre municipal. 1790-1781, p. 11.
143. РГАДА, ф. 1278 Строгановы, оп. 1. д. 348, л. 164.
144. Там же, л. 168.

145. Bibliotheque Nationale. Nouvelle Acquisitions Francais (далее - BN. NAF), 4790.
146. Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч., т. 1, с. 301-304.
147. BN NAF, 4790. Ж. Демишель - Ж. Ромму, 14 ноября 1790 г.
148. РГАДА, ф. 1278 Строгановы, оп. 1, д. 348, п. 170. Датировка этого письма П.А. Строгановым ошибочна: "декабря с.ш. 11-го 1790 года, н.ш. 1-го". По-видимому, правильно - 1(12) декабря.
149. Опубликовано в кн.: Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч., т. 1, с. 304-308, 311-318. См. также анализ этих документов: Galante-Garrone A. Gilbert Romme. Histoire d'un revolutionnaire, p. 246-248.
150. РГАДА, ф. 1278 Строгановы, оп. 1, д. 348, л. 17. Надпись, сочиненная 1791 года на случай приезда из чужих краев в Петербург графа Павла Александровича Строганова.

Чудинов А. В. "Русский якобинец" Павел Строганов. Легенда и действительность // Новая и новейшая история. - 2001. - № 4. - С. 42-70.